

Татяна ТРОНИНА

Женищина-рисунок

Татьяна Михайловна Тренина

Женщина-рисунок

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184291*

Женщина-рисунок: Эксмо; М.: 2009

ISBN 978-5-699-37470-0

Аннотация

Соня считала, что любовь, привязанность, брак – не для нее. Ну не было вокруг мужчин, способных взволновать ее сердце! Да и слабое здоровье свое воспринимала Сонечка как преграду для серьезных отношений. Живопись – вот удел нежной и хрупкой девушки. Думала ли она, что столкнется с настоящей страстью, что ради любви ей придется пойти на жертвы, поссориться с родными и оказаться в центре международных интриг...

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

92

Татьяна Тренина

Женщина-рисунок

—...Нарисованная роза должна пахнуть!

Руководитель отдела рекламы кондитерской фабрики «Б. Чиркунов» потыкал указкой в увеличенную проекцию розы, висевшую над столом, и страстно обратился теперь уже ко всем присутствующим:

– А она пахнет? Скажите честно, она – пахнет?

Члены худсовета задумались.

Соня с тревогой взгляделась в их лица – что скажут?.. У нее не было никаких иллюзий в отношении своего рисунка, но совсем уж бездарным она его тоже никак не считала. Обычная роза... Лепестки, листья, стебель с колючками – реализм в чистом виде! Тем более что Соня рисовала с натуры – специально для того купила розу в цветочном магазине. Долго выбирала самую красивую, самую живописную, спорила с продавщицей, недовольной тем, что Соня разворошила все ее букеты...

– Пахнет-пахнет! Еще как! – нетерпеливо крикнула менеджер из отдела рекламы Таисия Петровна – полная дама «элегантного возраста», и оглянулась на часы, висевшие на

противоположной стене. Часы были украшены гирляндой, внизу болталась стеклянная сосулька серебристого цвета.

14.00 – показывали часы. Они напоминали о том, что до Нового года оставалось всего десять часов. И за эти десять часов надо было переделать кучу дел. Таисия Петровна являлась матерью большого семейства, и ее муж придерживался традиционных ценностей: Новый год – праздник семейный, который надо встречать дома, за столом, а на столе, помимо шампанского и мандаринов, должны присутствовать еще оливье и селедка «под шубой». Ну и прочие разносолы, приготовление которых лежало на Таисии Петровне...

Допустим, холодец она сварила еще накануне, а вот салатики еще предстояло настрогать! Ну и о себе, любимой, тоже не стоило забывать – одеться, накраситься, уложить кудри... Для супруга же старается! Как-никак, тридцать лет вместе, как один день...

Нетерпение Таисии Петровны все и испортило.

Руководитель отдела рекламы, непосредственный начальник Таисии Петровны и одновременно мужчина новой формации (из тех, кто забывает про отпуск и больничных не берет принципиально), заметил взгляд своей подчиненной на часы и моментально отреагировал. Он дернулся, точно от удара током, и патетично возвысил голос:

– Да? Вы уверены?.. А *чем* она пахнет?!

Здесь надо отметить, что руководитель отдела рекламы, Валерий Анатольевич, сам себе выпестовал язву желудка.

ка (душевными терзаниями и ненормированным рабочим днем). Посему он не пил шампанского, не ел мандаринов, а тяжелая и жирная пища ему была вообще строго противопоказана. Кроме того, у начальника отдела рекламы отсутствовала семья (ибо все свое время и силы он отдавал только работе). На Новый год руководитель отдела рекламы запирался у себя дома, включал DVD-проигрыватель и смотрел что-нибудь из классики (Тарковский, Бергман, Феллини, Эйзенштейн) или арт-хауса. Под утро он принимался плакать и напряженно думал о смерти. А первого числа он уже ехал на работу и думал только о работе и о том, что если бы не он, то все производство давным-давно бы развалилось... И так до следующего Нового года.

Поэтому руководителю отдела рекламы было глубоко противно все, что было связано с приемом пищи, семейными ценностями и праздничной эйфорией.

– Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет... – пробормотал технолог. Технологу недавно исполнилось сорок пять лет, и он являл собой тип мужчины в самом расцвете сил. Его все в этой жизни устраивало, ему было все интересно, и во всем происходящем он находил позитив. Вечером они с женой собирались идти в Большой театр, на «Щелкунчика». Опоздать на спектакль технолог ничуть не боялся, ибо был оптимистом. Он взгляделся в рисунок и произнес то, что думал: – Роза Софьи Александровны пахнет сладкими духами. Такой, знаете, компотно-фруктовый оттенок

чувствуется...

– Весной она пахнет! – в кабинет заглянула молоденькая блондинистая бухгалтерша. Схватила какие-то папки и убежала. Бухгалтершу ждал дома ревнивый муж, временно безработный (уже полгода как). Все его силы уходили на ревность и выяснение отношений. Вот и сегодня он наверняка собирался закатить жене скандал – ну как же так, не может быть, чтобы людей задерживали допоздна, тридцать-то первого декабря... Бухгалтерша это чувствовала, но домой бежать не собиралась. Да пусть будет скандал – может, хоть так дело сдвинется с мертвой точки!

– Роза Софьи Александровны ничем не пахнет, – с мукой в голосе произнес руководитель отдела рекламы. – Она вообще не выглядит настоящей. Это папье-маше. Тряпка! Кладбищенский ширпотреб!

– Скажете тоже! – испугалась Таисия Петровна и опять скосила глаза на часы. – Вполне приличная роза!

– Софья Александровна, а вы что об этом сами думаете?

Соня пожала плечами:

– Мне кажется, мой рисунок полностью отражает концепцию.

– Да? Вам кажется?.. А вы не забыли, что конфеты, дизайн обертки которых поручено вам разработать, будут реализовывать в День всех влюбленных? – нервно напомнил руководитель отдела рекламы.

– Нет, не забыла... – спокойно отозвалась Соня. – Молоч-

ный шоколад с кремово-ликерной начинкой, в форме сердечка, обертка – на красном фоне белый овал, в центре его – роза... Все в одной стилистике, форма полностью отражает содержание.

– А где же креатив? – саркастически спросил руководитель отдела рекламы. – Послушайте, Софья Александровна, в условиях нынешней конкуренции...

– Да нормальный дизайн, чего вы привязались, Валерий Анатольевич... – вклинился технолог. – Классический вариант подарка на чуждый нам праздник, Валентинов день этот самый... У нас, русских, между прочим, есть свой день влюбленных – день Петра и Февронии! Ну да ладно, пусть будет валентинка, лишь бы любили друг друга, – тут же позитивно осадил он себя. – Шоколадное сердечко... А креатив тут – во вкусе, а уж ко вкусу никто не придерется, уникальная технология, пальчики оближешь... Вы вот сами какие валентинки привыкли дарить?

Провокационный вопрос! Руководитель отдела рекламы побледнел. Потом пошел пятнами. Кадык на его шее заходил вверх-вниз. Он явно не находил слов. Но когда он их найдет наконец... Страшно представить, что будет.

«Этак мы тут до ночи заседать будем!» – подумала Соня и, быстро встав, взяла в руки макет будущего лакомства – маленькое сердечко. Так конфета должна была выглядеть в реальности...

– Вот, полюбуйтесь... – она подняла макет повыше. – Кон-

фета небольшого размера. Главная нагрузка – на цвете основного фона и форме. Фон – ярко-алый, форма – сердечко. Классика, словом. Рисунок еще... Роза. Это – цветок любви. Не фикус, не кактус, не орхидея... Что символизирует роза? Любовь. Изображать же ягоды, фрукты и зверят – совсем людей с толку сбивать. Главное, повторяю, – форма и цвет основного фона обертки. Спорить о том, пахнет роза или нет, – бессмысленно... Конфета недорогая, основные покупатели – школьники и студенты. Купили оптом горсть и убежали... Вглядываться никто не будет. Да, обратите внимание, у меня роза на белом фоне и заключена в два кольца – синее и золотое. Цвета все торжественные и праздничные. Креатив – именно в ярком цвете и форме. В классике то есть, как и сказал Игорь Андреевич... – она кивнула в сторону технолога. – Все.

Руководитель отдела рекламы вздохнул и принялся ожесточенно листать свой блокнот.

«Кажется, разжевала...» – подумала Соня и встретила глазами с Левой Итиным, экспертом по связи с общественностью.

Лева оскалил в улыбке длинные передние зубы и незаметно показал Соне кулак с поднятым большим пальцем – дескать, хорошо ты Анатолевича отбрила. Соня вежливо улыбнулась в ответ. Итин кивнул ей – гладко выбритая его голова, формой напоминающая дыню, сверкнула отраженным от электрических ламп светом...

– Ну что ж, господа... – снова вздохнул руководитель отдела рекламы, пролистав блокнот до последней страницы. – Пора закругляться. Софья Александровна, ваш дизайн-проект меня устраивает, тут, пожалуй, Америки точно не откроешь...

Все зашумели, задвигали стульями, потянулись к выходу из конференц-зала.

– Минутку... Чуть не забыл. С наступающим вас всех!

– И вас, Валерий Анатольевич...

– С Новым годом!

...Высыпали в коридор.

– Господи, я думала, никогда не закончится... – просто-напросто Таисия Петровна.

– Мальчики, девочки, просим вас в бухгалтерию, там стол накрыли... – из-за угла выскочила все та же блондинистая бухгалтерша – Наташа, кажется.

– Нет-нет-нет! Меня муж ждет! Столько дел...

– Меня тоже ждет... Подождет! – мстительно закричала Наташа. – Я, между прочим, за двоих пашу...

– Нет-нет-нет, до города два часа... а пробки!

– Точно, сейчас самые пробки! – всполошился кто-то.

Соня пробок не боялась – она, как всегда, собиралась ехать до Москвы на электричке. Кондитерская фабрика «Б. Чиркунов» находилась далеко за МКАДом.

– Сонечка, и вы! – Наташа поманила за собой Соню. – Вы, насколько я помню, счастивица, без семьи...

«Сволочь какая! – беззлобно подумала Соня. – Все-то они знают!» И подтвердила:

– Да, мужа и детей у меня нет. Но другие родственники... Мы вместе собирались праздновать.

– Какие родственники? – спросил Лева Итин, цепляя Соню под локоть.

– Мачеха и сводная сестра еще... – ответила Соня, пытаюсь незаметно высвободить руку.

Но Итин держал крепко. И как-то чересчур интимно.

– Ничего, подождут... – бодро произнес он. – Я на машине, Сонечка, я вас подвезу прямо до дверей. Можно на «ты», а?... Коллеги ведь!

– Нет, я пас! У меня билеты на спектакль! – технолог помахал всем рукой, побежал к выходу. – С Новым годом всех!

– Здоровья, счастья! – тоже махнула на прощание Таисия Петровна, пятясь назад.

– Сонечка, у тебя праздничное настроение? – глубоко интимным голосом спросил Итин.

– О да! – горячо согласилась Соня, не оставляя попыток высвободиться.

Она странно себя чувствовала. Безусловно, это были ее коллеги – все вместе они работали на кондитерской фабрике «Б. Чиркунов». Но, с другой стороны, Соня являлась, что называется, фрилансером – то есть свободным работником. Точнее – свободным художником. Ей давали задание (дизайн-проект конфетных оберток, например вот как сейчас),

и она преспокойно выполняла его у себя дома. Потом ее проекты обсуждались на худсоветах...

Из присутствующих она была знакома со всеми, но дальше «здравствуйте – до свидания» дело не шло.

Вот, например, Лева Итин. Соня про него знала только то, что он жуткий бабник и его надо опасаться (совет Таисии Петровны, как-то данный Соне за обедом в фабричной столовой).

До сегодняшнего дня Итин не обращал на Соню внимания и бегал в основном за девочками из бухгалтерии. Но сейчас буквально прилип к ней.

Что это значило?

Это значило только одно – в новогоднюю ночь Лева Итин оставался без женского общества. Видимо, все его послали... Ну да, бабник же. Никто не любит бабников. Осталась только Соня. НЗ (неприкосновенный запас). Его последняя надежда!

– Прошу...

– Лева, открой шампанское, пожалуйста!

– Я-то открою, но только учтите – я за рулем! – Итин наконец отвалился от Сони. – Мне вон еще девушку до дома везти.

Все многозначительно посмотрели на Соню. Соня криво улыбнулась. «А что делать? Орать во все горло, что я только под страхом расстрела свяжусь с Левой?..»

Хлопнула пробка. Запенилось, зашипело игристое вино в

бокале...

– С наступающим!

Выпили, заговорили разом:

– Чей год-то отмечать будем? Собаки? Лошади?

– Дракона! Надо надеть черное с красным и...

– Вот, граждане, дожили – уже и Новый год по-китайски отмечаем! Как они нам скажут, так мы оденемся!

– Между прочим, их Новый год еще через месяц только праздновать полагается...

– Скоро весь мир будет по-китайски жить! А у меня жена, представляете, совсем чокнулась на фэн-шуй... Кровать то туда подвинет, то сюда, то шкаф заставляет по периметру двигать, то зеркало в туалете повесит... Брошу я ее.

– А еще, говорят, индийцы этих китайцев скоро по численности догонят!

– Индейцы? – искренне удивилась Бронислава Антоновна Потоцкая – милая пожилая дама лет восьмидесяти, из приглашенных (утром на фабрике давали праздничный концерт в честь ветеранов). Пятьдесят лет назад Бронислава Антоновна создала обертки к известным всему Советскому Союзу конфетам «Гусиная шейка», «Попробуй отними» и «Красный трюфель». Фабрика «Б. Чиркунов» считалась преемницей старых традиций. – Помню фильмы с замечательным молодым актером Гойко Митичем, в которых он исполнял роль Чингачука...

– Да нет, Бронислава Антоновна, мы об индийцах гово-

рим! О тех, которые в Индии живут... Бхагавад Гита как она есть!

– Какая Бхагавад? Камасутра!

– А, «Зита и Гита»! – сообразила наконец Потоцкая.

Лева Итин быстро перехватил несколько бутербродов с праздничного стола и, жуя на ходу, стал пробираться обратно к Соне.

Соня юркнула в сторону и спряталась за Потоцкой.

– Бронислава Антоновна, расскажите, пожалуйста, как вы свои замечательные обертки придумывали? – спросила Соня у своей пожилой коллеги. Спросила тем не менее с искренним интересом.

– Ой, деточка, сама не понимаю... Так уж вышло! – оживилась Потоцкая. – Сядем вот сюда, на диванчик, я расскажу... Я ведь после окончания художественного училища пошла работать в «Медкнигу». Рисовала иллюстрации к учебникам по анатомии человека. Да, а ты как думала! Ведь фотография всех тонкостей человеческого организма не передаст, только художник сможет изобразить печень или там селезенку так, чтобы будущий медик их уж никак не перепутал...

– Ой!

– Да-да! От меня зависело, насколько хорошие врачи будут работать у нас впоследствии в медицинских учреждениях... Ради такого дела мне пришлось выучить анатомию! Хоть ночью сейчас разбуди – расскажу строение черепа и как

должна выглядеть кровеносная система... Мускулюс трицепс, мускулюс квадрицепс, мускулюс глутеус, делириум тременс... До сих пор помню латынь! Часто приходилось рисовать с натуры.

– Ой...

– Да-да, деточка... Однажды меня случайно заперли в морге, и я целую ночь... Впрочем, я отвлеклась – вы же, деточка, хотели узнать, как я стала рисовать обертки?

– И как же? – Соня краем глаза следила за лавирующим вокруг столов Левой. Итин, слава богу, пока еще не нашел ее. Потом отвлекся на новую порцию бутербродов...

– Партия сказала – «надо». И меня направили на кондитерскую фабрику, – продолжила свои воспоминания Бронислава Антоновна. – Первый заказ – нарисовать коробку конфет к юбилею Седьмого ноября. Создать макет, так сказать, коробки... И дали указание – Ленина и Мавзолей рисовать нельзя.

– Почему? – спросила Соня.

– Это слишком серьезные изображения для конфет. Я целую ночь не спала, все придумывала, что бы такое изобразить на коробке... И придумала! Нарисовала Зимний дворец и марширующих на его фоне матросов. Получилось очень торжественно и празднично! Мне за этот рисунок потом дали огромную по тем временам премию!

– Здорово! А у нас на худсоветах очень строго... – призналась Соня.

– Деточка, ваши худсоветы по сравнению с нашими, тогдашними – просто утренник в детском саду! – замахала руками Потоцкая. – На наших как начнут разбирать, соответствует ли рисунок идеологически-воспитательным целям... Ведь конфеты дети едят! Сколько раз худсовет не одобрял моих рисунков! И оставалась я с носом, без денег. Так и жила – то густо, то пусто...

– Да и сейчас то же самое! – засмеялась Соня. – Вот сегодня пристали – «ваша роза не пахнет»!

– Надо же! Выходит, времена не меняются... – всплеснула руками Бронислава Антоновна. – Но ничего, деточка, привыкнешь... Ты еще совсем юная, двадцати, поди, и нет еще? – дальноторко прищурилась она.

– Мне двадцать девять.

– Да?! И не замужем? Такая хорошенькая?.. Волосики светленькие, глазки голубенькие... Принцесса из сказки! И – не замужем?! В наши времена тебя бы старой девой давно считали...

– Бронислава Антоновна, я не хочу замуж. Совсем! Ну их всех... Так хорошо одной!

– И ты счастлива – одна-то?

– Да! Да!.. – опять засмеялась Соня.

– Не может быть, – возмутилась Бронислава Антоновна и огляделась: – Да что там, кто у нас тут есть, холостой... Живо тебя сведу!

– Бронислава Антоновна, умоляю! – в ужасе зашептала

Соня. – Не надо меня ни с кем сводить!

– Вздор! – безапелляционно возразила пожилая дама. – Ты пока жизни не знаешь, а я знаю. Это что за юноша? – ее сухой, крючковатый палец указал на Леву. – Холостой?

– Умоляю!..

– Кольца на пальце нет у него... Значит, холост. Молодой человек! – возвысила голос Бронислава Антоновна. Лева повернул голову и перестал жевать, заметив Соню.

Рысью побежал на зов.

– Да, дорогая Бронислава Антоновна? – сладко спросил Лева, не отводя глаз от Сони.

– Как вас, юноша... всех не припомню...

– Лев! – чеканно, с гордостью ответил Итин.

– Лев! Чудесно... Лев, вот девушка одна скучает... А мне пора. Сейчас уже машину подадут. Ну все, с наступающим вас, мои дорогие. Будьте счастливы! – с особой интонацией произнесла Потоцкая и шустро, несмотря на возраст, заменила прочь.

– Да, не стареют душой ветераны! – сказал Лева и немедленно спикировал на диван рядом с Соней. – Бутербродик?

– Нет, спасибо, не хочу наедаться... – Соня попыталась отодвинуться. – Вечером Элеонора обещала пир горой...

– Элеонора?

– Да, мачеха... Я живу с мачехой и сводной сестрой. Сестру зовут Снежана... – Соня слегка приврала – они с родней жили не вместе, не в одной квартире, а были соседями по

лестничной клетке. Леву, по идее, должно было отпугнуть присутствие родственников рядом с Соней.

Но Леву это ничуть не отпугнуло.

– Да? Мачеха и сводная сестра? – улыбнулся он, опять показав длинные передние зубы. – Супер! Совсем как в сказке... Они злые? Допекают тебя? Слушай, но мы можем поехать сразу ко мне, зачем портить себе праздник...

– Нет-нет! – испугалась Соня. – Элеонора и Снежана – чудесные люди! Я их обожаю... Они меня ждут! Я не могу их подвести...

Тут Соня не соврала. Новый год они договорились встретить втроем – семья как-никак. Даже после смерти отца эта традиция не прервалась.

– Тогда поехали к тебе. Посидим, потом поедem ко мне. Будем гулять всю ночь! – раздувая ноздри, хищно сказал Лева.

Соня онемела. Подобной бесцеремонности она никак не ожидала. На худсовете от нападков начальства и то было проще отбиваться!

– Э-э... а-а... – начала она, пытаясь подобрать слова.

– Да? Ну и отлично! Все, замечано! – возликовал Лева Итин. – Слушай, Крымова, ты отличная девчонка... По секрету – какие мужчины тебе нравятся?

Соня опять смешалась. Она еще не успела отвергнуть предложение Итина встретить Новый год вместе, а тут новый вопрос... Как лучше – сначала деликатно послать Леву, а по-

том сказать, что никакие мужики ей не нравятся, что больше всего в жизни она ценит покой и душевное равновесие? Или переоформить ответ: мужиков и тягу к покою – сначала, а потом логически закончить тем, что Лева ей задаром не нужен?

– Ну любимые актеры у тебя, например, есть? – Лева цапнул со стола бокал с шампанским, вручил его Соне, а пустой отнял. – Пей... С наступающим тебя! Я не пью, вот видишь, соком с тобой чокаюсь... Непьющие мужчины нынче на вес золота, согласна?

Соня опять задумалась. Ответить «да» (а ведь правда, непьющих мужчин мало), потом – тем не менее – заявить, что мужики ей до лампочки, а покой превыше всего, а затем логическим путем закончить речь, деликатно послав Лева Итина куда подальше? Ведь не встречать же вместе с ним Новый год, правда?!

– Сонь, так какой у тебя любимый актер, а? – игриво толкнул ее плечом Лева.

– Я забыла его фамилию...

– Слушай, а как тебе Вин Дизель? Тебе нравится Вин Дизель?

Соня поняла мысль Левы. Лева думал, что он похож на Вина Дизеля – тоже лысый и голова дынькой. Но Лева, скорее, был карикатурой на Вина Дизеля...

– Ты знаешь, я думаю... – издали начала Соня, пытаюсь в единое целое слепить сразу несколько своих мыслей, но

тут заиграла музыка, и бухгалтерша Наташа стала бросать в присутствующих конфетти.

Кто-то из младшего персонала был уже слегка под градусом. Молодой, в офисном костюме, парень (кажется, из одного отдела с Итиным) пружинящей походкой скользнул к ним.

– Блондиночка, можно вас? – склонился он над Соней.

Соня приняла его за своего спасителя. Она приподнялась уже, но Итин твердой рукой усадил ее обратно.

– Девушка не танцует, – холодно произнес он.

– Титькин, ты что себе позволяешь? – обиделся парень.

– Я – Итин. А на тебя, Светлов, я завтра докладную начальству подам... – стальным голосом произнес Лева. – Я все скажу... Все твои шуточки передам, и как ты о Борисе Борисовиче отзывался, и что ты в «Одноклассниках» в рабочее время сидишь, и сколько раз раньше времени рабочее место покидал...

Судя по всему, список обвинений был довольно длинным, а Итин желал озвучить все прегрешения этого самого Светлова. Это вам не банальное приглашение к мордобойу – «давай выйдем!». Поэтому нельзя было не воспользоваться моментом!

Соня переползла через бортик дивана, затем попятилась к выходу. Вокруг смеялись, шумели, летало в воздухе конфетти...

Соня подхватила свою сумочку и через мгновение уже бы-

ла в коридоре. Тихо, темно наполовину. Соня побежала по коридору. В гардеробной нашла свое пальто и, на ходу пытаясь попасть в рукава, заскакала по очередному коридору к проходной.

Сзади хлопнула дверь, раздались чьи-то возбужденные голоса. «А вдруг Итин сейчас побежит за мной?» – с ужасом подумала Соня. И еще быстрее рванула вперед.

...На улице уже смеркалось. Соня на миг оглянулась – над ней возвышался корпус офисного здания «Б. Чиркунов» (десять тысяч тонн высококачественного шоколада в год).

Далее громоздились фабричные корпуса (высококлас-ное оборудование производства фирм Италии и Германии, непрерывный цикл производства).

Горизонт между корпусами терялся в сиреновой дымке, пропитанной сладким запахом какао, вдали черной стеной стоял лес.

Соня рванула к воротам.

– С наступающим! – торопливо крикнула она очередному вахтеру, проскочив через стеклянную вертушку на улицу.

Черное асфальтовое шоссе, по которому на скорости проезжали машины... У остановки – толпа (в основном те, что работали на фабрике), люди весело переговаривались. Затормозила маршрутка. Соня полезла вперед.

Общественный транспорт здесь ходил довольно часто, но для Сони было очень важно удрать побыстрее от Итина. Соня вдавилась в толпу...

– Девушка, не торопитесь, сейчас еще маршрутка подойдет...

Соня затанцевала на месте, пропуская какую-то массивную тетку в зеленом драповом пальто, груженную пакетами. Зеленое пальто неожиданно замерло, перегораживая проход в салон.

– Женщина, побыстрее! – нетерпеливо крикнула Соня.

– Куда быстрее-то? – отозвалось недовольно пальто. – Здесь места нет...

Соня с досадой захлопнула дверь, и маршрутка сорвалась с места.

На остановке оставалась только одна Соня. «Минут десять теперь ждать, не меньше... А то и все пятнадцать!»

Соня оглянулась и увидела, как начали плавно разъезжаться ворота фабрики, пропуская автомобиль. Это мог быть Лева Итин! Сейчас он увидит Соню на остановке, притормозит, и от него уже не отвяжаться...

«Спрятаться?» – она оглянулась. Но за стеклянным павильоном не укроешься... И тогда Соня побежала с небольшого косогора – прямо в лес.

Здесь надо заметить, что на общественном транспорте до станции было минут двадцать езды. Но Соня слышала, что до станции пешком напрямую – те же двадцать минут. Летом большинство людей по лесу и добирались до станции... Да и сейчас, зимой, любители пеших прогулок и свежего воздуха именно так и делали... А экономия какая! Известно же, ка-

кой нынче дорогой общественный транспорт!

Места были спокойные, тихие, сроду никаких происшествий не случалось... Заблудиться Соня тоже не боялась. Это невозможно – заблудиться в подмосковном жиденьком лесочке! И не холодно – минус пять – минус семь где-то... В Москве, наверное, как всегда в новогоднюю ночь, – ноль.

Соня побежала по утопанной снежной тропинке. Сначала она бежала вдоль забора, за которым прятались фабричные корпуса, потом тропинка повернула влево. От выпитого шампанского стало жарко. Соня засмеялась – она была отчаянно рада, что сумела так ловко обхитрить Леву Итина...

Сиреневые сумерки становились все гуще. На очередном косогоре Соня поскользнулась и бухнулась в снег. Вскочила, отряхнулась, еще полная предновогодним, бездумным весельем... И вдруг обнаружила, что тропинки-то и нет!

«Ведь была же только что!» – Соня принялась, утопая в снегу, бегать по кругу.

Ни намек на тропинку.

Тогда Соня прислушалась, надеясь по шуму электричек угадать направление. Никакого шума. Лишь вороны хрипло каркали где-то высоко в черных ветвях.

– О господи!...

Нет, Соне не стало страшно. Ей стало... как-то неприятно, что ли. Неприятная ситуация.

Девушка – одна, в лесу, накануне новогодней ночи. Напоминает страшную сказку... Интересно, а волки тут водятся?

«Может, вернуться назад?» – Соня принялась – но густой шоколадный запах равномерно окружал ее со всех сторон. «А где он, этот... зад?» По запаху не выйдешь.

Соня закружилась на месте и поняла, что уже окончательно не понимает, откуда она пришла.

– Ау! – закричала Соня. – Ау!!!

Она надеялась, что кто-то из прохожих ее сейчас услышит. «Да кто сейчас пешком-то на станцию захочет идти? – неожиданно пришла в голову новая мысль. – Все домой торопятся – праздник же!» И вообще, тридцать первое декабря – хоть и рабочий день, но большинство людей отпустили после обеда, еще до сумерек.

Соня побежала, по колено проваливаясь в снег. Это ж надо, в Москве снега нет, а тут его почему-то вон сколько... Черные деревья. Еще не темно, но... сумерки.

Сумерки. Солнца нет. Все вокруг тусклое и холодное.
– Ау-у!

Соня уже едва не плакала, праздничное настроение улетучилось напрочь. «Нет, но это невозможно – заблудиться в подмосковном лесу!»

«А почему нет? – возразила она себе тут же. – Подмосковье – огромное. Через час станет совсем темно. Я окончательно заблужусь...»

Соня попыталась вспомнить, что в подобных ситуациях принято делать. «Кажется, надо определить, где юг, а где восток... то есть север. Север там, где эти... мхи. На деревьях.

А запад – там, где солнце садится. Но сегодня солнца не было... И вообще – ну определяю я стороны света – а толку-то?! Все равно я не знаю, в какую именно сторону надо идти!»

Тогда Соня решила идти в одном направлении. Если все время придерживаться одного направления, а не очумело метаться по лесу, то рано или поздно точно куда-нибудь выйдешь...

Минут пятнадцать Соня четко шла вперед. И в самом деле – среди деревьев засиял просвет, и Соня увидела край какого-то огромного, занесенного снегом поля. Из снега уныло торчали островки пожухлых каких-то былинки. Вдали мерцали огни.

Соня хотела обрадоваться, но почему-то не смогла.

Страх тоже покинул ее. В сердце осталась холодная, бесприютная пустота. «Куда я тороплюсь? Зачем? Зачем я живу? Зачем все это?» Соня безвольно опустила руки и остановилась. Сумка соскользнула у нее с плеча – и шлепнулась прямо в снег. В сумке были подарки для Снежаны и Элеоноры, кстати... Ну и медицинская карта, с которой Соня никогда не расставалась.

«Началось. Опять», – отстраненно, где-то на краешке сознания, мелькнула мысль.

Это было началом приступа.

«Сейчас я потеряю сознание. И упаду...» – вяло подумала Соня. Она уже привыкла к этим странным приступам – странным потому, что ни один врач не мог назвать точного

диагноза. Она сдала кучу анализов, несколько раз лежала в самых разных больницах, проходя всесторонние обследования, — бесполезно. Ни анализы, ни обследования не выявили какого-либо серьезного заболевания.

Практически здорова. А вот поди ж ты — ни с того ни с сего вдруг падает в обмороки, лет с восемнадцати это началось...

Иногда Соня падала в обморок несколько раз в месяц, иногда — раз в несколько месяцев. Вдруг чувствовала холод в сердце, тоску, и — бух навзничь! Несколько раз серьезно расшибалась. Потом научилась точно определять начало приступа и сразу же ложилась куда придется, не обращая внимания на реакцию окружающих.

Снежана и Элеонора уже привыкли, а вот незнакомые люди — пугались, вызывали «Скорую». Не единожды обмороки случались на улице, в оживленном месте...

Неприятно, но, в общем, ничего страшного. Всегда обходилось.

Но свалиться в обморок в зимнем лесу?

Когда никого нет рядом? Никто не разбудит, не заставит подняться!

Может быть, ее найдут потом. После Нового года. Начнут искать, узнают, опросив свидетелей, что в электричку она так и не села. Пойдут и увидят девушку на краю леса, лежащую на снегу. Белую-белую. С белыми волосами, примерзшими к ледяной корочке на снегу. С заиндевевшими ресницами. В сумке обнаружат ее медицинскую карту, поймут, что с ней

случилось.

Что, в принципе, давно должно было случиться.

«Разве я не ждала смерти? – подумала Соня, чувствуя, как немеют ноги и руки – еще чуть-чуть, и она сама упадет на снег рядом со своей сумкой. – Разве я не знала, что все именно этим и закончится? Знала. Ждала. Ни с кем не связывала свою жизнь. Никого не любила. Не устраивалась на постоянную работу. Зачем? Нет смысла...»

Соня попыталась вздохнуть, но у нее не получилось. Тело окончательно обмякло.

И Соня стала падать.

Рухнула на бок, потом в последнем усилии перекатилась на спину. Уставилась в темно-серое, сумеречное небо, перечеркнутое черными ветвями деревьев. Ни звезд, ни луны – густые темные облака спрятали небосвод, словно затянули его огромным пуховым одеялом.

Соня моргнула, и глаза ее закрылись. Она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Холод медленно стал забирать ее в плен, убаюкивать. Впрочем, еще минуту ее сознание бодрствовало – за эту минуту Соня успела вспомнить свою жизнь: детство, смерть мамы, женитьба отца на Элеоноре, соседке по лестничной клетке; учеба в школе, учеба в институте, смерть отца, работа на кондитерской фабрике... Несколько кавалеров – но так, ничего серьезного.

Всё.

Вот и всё.

– ...Я все скажу!.. Все твои шуточки передам, и как ты о Борисе Борисовиче отзывался, и что ты в «Одноклассниках» в рабочее время сидишь, и сколько раз раньше времени рабочее место покидал... – стальным голосом перечислял Лева Итин, чувствуя, как в груди закипает холодная, беспощадная ярость.

– Ябеда-корябеда! – захохотал Светлов и щелкнул Леву по носу.

Этого Лева уже стерпеть не мог. «Все, – сурово подумал он. – Точно докладную напишу! И добавлю, что он морально разлагает коллектив! Пьет пиво в обеденный перерыв! Напишу, чего бы мне это ни стоило!...»

Лева усмехнулся и мужественно повернулся спиной к этому гаду Светлову. Он чувствовал себя героем боевика. Вин Дизелем.

И тут Лева обнаружил, что хорошенькая блондиночка, Соня то есть, исчезла.

Вот только что сидела на диване, изящно положив одну стройную ножку на другую, отчего из-под синенького платья (в тон глазкам) выглядывало ровное, восхитительное колено, держала в ручках бокал, мило хихикала, и бац – уже нет ее!

Лева оглядел комнату. Гад Светлов танцевал с Наташей, другие хохотали у праздничного стола, в воздухе кружилось

конфетти, музыка опять же...

Никто не думал расходиться. Хотя, между прочим, уже отмечали Новый год – неделю назад корпоратив был! Не нагулялись, видно. А тогда гуляли в клубе на Берсеневской набережной. Кстати, гад Светлов и тогда безобразно себя вел – мало того что напился, так еще и двухлитровую бутылку водки в подарочной упаковке упер с праздничного стола! Думал, что никто не заметит! Не-ет, Лева Итин все заметил!

«Надо и об этом еще в своей докладной упомянуть!» – решил Лева. И пошел искать Соню – может, опять болтает с какой-нибудь старухой?..

Но Сони нигде не было.

– Наташка, ты видела художницу? Ну ту, беленькую?

– Соню? Соня ушла!.. Га-га-га... – Наташа закатилась от хохота.

– Не смешно, – оборвал Наташу Итин и вышел в коридор.

– Очень ты ей нужен... – Наташа высунулась следом.

– Да, нужен! – огрызнулся Лева.

Наташа – дура. По большому счету, на нее тоже следовало написать докладную. Или нет – лучше позвонить ее супругу и голосом анонима намекнуть, что Наташка путается с кем ни попадя. Супруг озверееет – он у нее чокнутый, не случайно на работу его никто не берет... Он ее убьет.

А если Наташка перед смертью решит признаться супругу, с кем именно у нее был роман? А кто был любовником Наташки?

Он, Лева.

И обманутый супруг вторым пунктом пойдет убивать Леву.

Нет, не годится. «Докладную писать на Наташку не буду, супругу голосом анонима тоже не буду звонить!» – благородно решил Итин.

И побежал по коридору, на ходу доставая ключи от своего авто. Лева не должен был упустить Соню!

...Тут необходимо сделать небольшое отступление, касающееся личной жизни Левы.

Лева (с его точки зрения) был веселым, живым, легким на подъем молодым человеком, с красивой внешностью. Копия Вин Дизеля в молодости! У Левы было много девушек. Что ни день – новый роман. А то и два! Но почему-то эти романы долго не длились. Девушки попадались все капризные, со сложными характерами. Ни одной нормальной!

Кроме, разве что, Зины Бобринец. Зина Бобринец очень любила Леву. Она была его верной и преданной подругой последние лет пять. Но Зина Бобринец весила сто пятнадцать килограммов, и у нее росли жесткие черные волосы над верхней губой – следствие неудачной эпиляции. Раньше у Зины над верхней губой росли просто волосы...

Короче, этот Новый год Лева было решительно не с кем встретить. Не с Зиной же! На работе у него сложились очень непростые отношения со всеми девушками и замужними да-

мами – ни одна из них больше не желала иметь с Левой дела, другие приятельницы куда-то разбежались (все-таки современные женщины – хищницы, олигархов себе ищут!). Новых романов Лева ни сегодня, ни вчера не успел завести – работы много было.

И что, в новогоднюю ночь – одному?

На худсовете Лева положил глаз на Соню, художницу. Он и раньше на нее посматривал – миленькая, хорошенькая такая, но уж больно скучная! Огня в ней нет, кокетничать не умеет. К такой если подойдешь – женись. А жениться Лева было пока рано.

«Может, она только кажется скромницей? – задумался Лева. – А на самом деле – ого-го! Недаром говорят – в тихом омуте черти водятся!»

И Лева Итин решил приударить за Соней. А она вот – сбежала! Не тащиться же к Зине...

...Лева быстро сел в машину, вырулил со служебной стоянки. Выехал на шоссе, надеясь перехватить Соню у остановки. Но маршрутка только что уехала! Лева хотел поехать вслед за маршруткой и перехватить Соню у станции. Потом вдруг краем глаза заметил черное пальтишко, мелькнувшее слева, среди деревьев. Прядь светлых волос, выбившаяся из-под берета, полоснулась на ветру... Соня!

«А, она пешком решила идти до станции!» – догадался Лева.

И вдавил педаль газа. Вин Дизель не сдастся!

На станции он был через рекордные десять минут. Вдвое быстрее обычного! Никого. Лева остановил машину у единственного прохода, ведущего к платформе, – мимо точно никто не проскочит. Ждал.

Минут через пять повалил народ из той самой маршрутки. Через пятнадцать минут – новая толпа. Сони все не было.

Прошло уже полчаса!

Лева подождал еще пятнадцать минут.

Сони не было.

«В лесу она, что ли, заблудилась?» – с досадой подумал Лева. Потом неожиданно вспомнил, как кто-то говорил о какой-то странности Сони. Типа она болела чем-то, что ли... А вдруг ей стало плохо в лесу? Или она просто упала, ногу подвернула?

«Надо бы узнать ее телефон... У Наташки сейчас спрошу!» – Лева решительно достал свой сотовый из кармана, а потом положил его обратно. Будет очень глупо, если он зазря поднимет панику. Лева не хотел выглядеть глупо. Наташка тогда отыграется на нем по полной... Скорее всего, Лева просто не заметил Соню, слившуюся с толпой. Девушка наверняка теперь уже в электричке трясется! Ну и не надо. Ишь, гордая какая...

– Надо ехать к Бобринец. Надо ехать к Бобринец...

И тут Лева увидел одинокую девушку, спешащую на шпильках к станции. Ботфорты на шпильках, узкие джинсики, огромный лисий воротник, светлые кудри...

Лева опустил стекло и, ни на что особо не надеясь (просто так, из принципа), крикнул незнакомке:

– Девушка, вас до Москвы подбросить?

– А вам не трудно? – кокетливо улыбнулась девушка.

«Прелесть какая! – с восторгом подумал Лева. – А Зине я просто позвоню, поздравлю с наступающим. Она и этому рада будет!»

– Ну что вы! Это мой мужской долг – помочь девушке... Садитесь.

Девушка впорхнула в салон, опустилась на переднее сиденье, пристегнулась.

– Лев, – мужественно представился Итин.

– Ольга.

– Оленька... – Итин тронул машину с места. – Оля, у вас есть любимый актер?..

* * *

Вспышка. Еще вспышка.

Голос.

О чем говорит? Слов не разобрать.

Опять вспышка.

Она летит. Ее поднимают вверх! Вот она, жизнь после смерти!

Соня на миг открыла глаза.

Увидела совсем рядом лицо. Очень странное лицо.

Страшное и красивое одновременно! Примерешилось, наверное.

Соня снова закрыла глаза.

Ее несли как будто. Мерное потряхивание, хруст снега под ногами. Голос. Слов опять не различить!

Соня застонала, пытаясь избавиться от наваждения. Потом снова ее сознание растворилось в холодных зимних сумерках.

На грани сна и яви вдруг вспомнились стихи Некрасова из школьной программы по литературе, про замерзающую в зимнем лесу крестьянку:

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена...

...Она очнулась – резко, быстро, словно после назойливой трели звонка. Села.

– Лежите-лежите... Как, вам уже лучше?

«Кто это говорит? – Соня провела ладонями по лицу. – Где я? Что случилось?»

Она медленно огляделась и обнаружила, что находится в какой-то комнате. Лежит на диване, под одеялом. Вокруг вполне приличная, но очень спартанская обстановка – шкаф, стол, стулья, льняные занавески на окнах... Между неплотно задернутыми занавесками проглядывало темно-синее небо.

«Значит, уже совсем стемнело... Сколько же времени прошло?» Соня посмотрела вверх, на лампу под ярко-оранжевым абажуром, и этот теплый, яркий свет взбодрил ее окончательно.

– Выпейте... – чья-то рука поднесла к ней маленький гра-
ненный стакан. Внутри стакана плескалось что-то темно-зо-
лотое, яркое – и Соня, точно маленькая девочка, заморожен-
но уставилась теперь на эту жидкость, в которой мелькали
блики отраженного света.

– Что это? – шепотом спросила она.

– Это коньяк. Пейте.

Соня взяла стакан. Подняла голову. Перед ней стоял муж-
чина.

Взглянув на него пристально, Соня испугалась – мужчи-
на вдруг показался ей призраком, галлюцинацией, отголос-
ком недавнего морока. Страж загробного мира, прекрасный
и страшный одновременно. Библейский персонаж. Осталось
только угадать – ангел или демон он?

Кажется, это лицо она видела – там, в лесу, умирая...

Выходит, этот человек спас ее. Спас от смерти.

– Пейте залпом, не нюхайте... Ну, быстро!

Соня опрокинула в себя содержимое стакана и закашля-
лась. У нее было ощущение, что она глотнула огонь.

– Как?

– Лучше... – сипло ответила Соня и вернула мужчине пу-
стой стакан. – Вы кто?

– Кто я? Я – человек... – пожал тот плечами и сел на стул напротив. Соня заворочалась, поправляя пуховое одеяло, в которое была укутана. Все-таки она его боялась, своего спасителя.

Он был... Он был... Как описать его внешность? Он был, мягко говоря, не славянином. Очень смуглый. Жгуче-черные вьющиеся волосы до плеч, и то ли длинная щетина, то ли короткая бородка на лице... Черные глаза.

Пожалуй, больше всего Сонин спаситель напоминал цыгана. Очень смуглый – шоколадный, кофейный оттенок кожи.

И как хорошо говорит по-русски... Хотя, судя по произношению, приедем этот человек не был. Так четко, без акцента, растягивая гласную «а», говорят те, кто с рождения живет в России.

Ликом черен и прекрасен.

Откуда эти слова? А, из какого-то старого фильма... Ликом черен и прекрасен.

Ликом черен и прекрасен... Соня без сил опустилась назад, на подушки. Она чувствовала, как пылают ее щеки, как пульсирует кровь по артериям.

– Спасибо, – произнесла она и вдруг заплакала. Слезы обожгли ей щеки.

– Тихо, тихо... да что такое?.. – перепугался ее спаситель. – Тут радоваться надо, не плакать. Вы ведь насмерть могли замерзнуть!

– Может, я хотела замерзнуть? – вырвалось у Сони. – А вы мне помешали! – Она помолчала, давясь слезами. – Нет, я шучу, шучу, конечно...

Мужчина серьезно смотрел на нее. «Господи, глаза-то у него какие чернящие... Даже смотреть в них жутко!»

– Как вас зовут? – спросил он.

– Меня? Я Соня.

– София или Софья? – уточнил мужчина.

– Софья. А... вы?

– Меня зовут Иса.

– Иса?

– Иса. Одно «с». Ударение на последней гласной, – привычно объяснил он.

«Явно образованный. Интеллигентный. Да кто он такой?! Иса. Ну а кто же еще, как не Иса, на Иван Ивановича Иванова он никак не тянет...»

На Исе были джинсы, черная водолазка, клетчатая плотная рубашка сверху. Вполне городской вид... Стилль casual – как принято сейчас говорить. Соня окончательно перестала его бояться.

– Как вы оказались в лесу? – спросил Иса. Голос у него был приятный, не низкий и не высокий, без лишних модуляций.

– Я на станцию шла, – честно ответила Соня.

– Куда?.. Но станция – совсем в другой стороне! – удивился Иса.

– Да?!

– Да.

Они помолчали.

– Я работаю на кондитерской фабрике... Торопилась на электричку. Пошла напрямую... – О Леве Итине Соня даже вспоминать не хотела. – И вот...

– Это чудо, что я вас заметил. Я зимние пруды проверял, шел краем... Осматривал проруби. Оглянулся совершенно случайно. Уже почти темно было. Смотрю – человек там, за деревьями. Да, девушка лежит... вы то есть, Софья, – он усмехнулся. – Что с вами случилось?

– Я в обморок упала.

– Весело! Нашли время и место... – опять усмехнулся Иса. – Еще чуть-чуть, и замерзли бы насмерть. Вот, отнес вас к себе. И сумку вашу захватил.

– Спасибо, – повторила Соня. – Там подарки. Новогодние...

– С наступающим вас! – он улыбнулся, показав ряд ослепительно-белых – на фоне кожи – зубов. Соне вдруг снова стало жутко. – Дайте руку.

– Зачем?

– Дайте.

Он сам взял ее руку, потрогал пальцы. Его смуглые руки, и ее – бело-розовые. Его пальцы – длинные, твердые, сильные, и ее – коротенькие, нежные, слабые. Этот контраст поразил Соню, щеки у нее запылали еще жарче. Зачем он при-

касается к ней? Оттолкнуть его? Или прижаться к его рукам щекой, остудить свой жар?

– Теплые... Это хорошо, – он выпустил ее руки, отстранился. – А на ногах пальцы – чувствуете их? Пошевелите! Чувствуете?

– Да, – выдавила из себя Соня. Послушно пошевелила пальцами под одеялом.

– Ну и славно. Значит, ничего себе не отморозили. В больницу ехать не обязательно.

– Какая больница! – опомнившись, всполошилась она. – Меня дома ждут...

– Я отвезу вас до станции.

– Спасибо! – отозвалась Соня и села.

– Ваши сапоги... Я осмелился снять – ничего?.. Помочь? – он уже хотел наклониться к ее ногам, но Соня энергично запротестовала:

– Нет, ни в коем случае! Мне гораздо лучше! Я сама!

Иса отошел.

Соня натянула на себя свои сапожки. Иса принес ее пальто, берет, сумку...

– Сюда... – он накинул себе на плечи «аляску» и вывел Соню во двор. Было уже темно, вдали мерцали огни... Судя по всему, дом Исы находился где-то на отшибе. – Здесь ступеньки, не поскользнитесь.

Они сели в машину – неуклюжий на вид «внедорожник». Соня в машинах не разбиралась совершенно, но что-то под-

сказало ей, что Иса отнюдь не беден. И дом, и авто, и одежда – все выглядело добротным и весьма приличным. «Кто он? – подумала она. – Чем занимается? О каких прудах говорил?»

– Пристегнитесь.

– Что? А, да...

Ворота стали автоматически разъезжаться. Иса надавил на газ. И в этот самый момент Соня ощутила нечто вроде разочарования. Как? Она ведь так и не поняла, кто он, что он, этот Иса... Она не разгадала загадку, она не получила ответа ни на один вопрос, а вопросов у нее было много. И вовсе не в благодарности к своему спасителю было дело, интерес Сони крылся в чем-то другом... Расспросить Ису сейчас, пока они едут к станции?

А смысл?

Лучше сразу выкинуть его из головы.

И о чем спрашивать... «Почему вы такой черный? Почему такой красивый?..» Никто не задает подобных вопросов. Глупых вопросов...

Соня сглотнула и отвернулась, глядя на проносящийся мимо черный лес. У нее было странное чувство. Нечто подобное она испытывала, например, когда заканчивалось лето и начинались осенние дожди, резко холодало. Разочарование (как же быстро лето промчалось!) и смирение одновременно (а что поделать, такова жизнь, все равно ничего нельзя изменить...).

– Как вы себя чувствуете? – не отрывая глаз от дороги,

спросил Иса.

– Все в порядке, – отозвалась Соня. Она повернулась и опять уставилась на его профиль – четкий, идеально правильный. Эта чеканная «правильность» его лица завораживала ее.

– Черт...

– Что? – очнулась она, отвернула от Исы голову, посмотрела вперед.

Впереди был поворот.

– Что происходит?

Иса нажимал на тормоз. Судя по всему, он не мог сбросить скорость перед поворотом... Его руки на руле. Соня ничего не понимала. Все происходило быстро, точно во сне. Она только что пережила одну опасность и никак не ждала, что может попасть в новый переpleт.

Черный лес, черная дорога, яркий свет от фар, поворот... Машину вдруг завертело на скользкой дороге.

– Ай!

– Держитесь... – сквозь зубы выдавил Иса, вцепившись в руль.

Соня зажмурилась.

Поворот. Разворот. Глухой удар. Соню крепко тряхнуло, но ремень безопасности удержал ее на месте.

Тишина.

– Живы? – голос Исы.

– Кажется... – шепотом ответила Соня. Она никогда в

жизни не попадала в автомобильные аварии. И что за день сегодня такой! Чуть не замерзла – раз, чуть не разбилась – два... Чего еще ждать?

Она приоткрыла глаза и посмотрела на часы на приборной панели. «Если я прямо сейчас сяду на электричку, то еще успею до Нового года... Элеонора и Снежана там с ума сходят, наверное!»

Соня открыла глаза пошире.

Машина стояла на обочине, впечатавшись передней частью в дерево.

– Что это было? – все так же шепотом спросила Соня.

– Что-то с тормозами. Не знаю. Ерунда какая-то... – Иса вышел из машины, хлопнув дверцей.

Попытался открыть капот. Проваливаясь в снег, обошел машину, потом снова вернулся в салон. Повернул ключ зажигания, но машина и не думала заводиться.

– Все. Приехали.

– И что теперь? – робко спросила Соня.

– До станции километров шесть-семь. Сейчас попытаюсь поймать попутку... – Иса снова вылез из машины. Но дорога была пуста.

Соня посидела минут пять, потом тоже вышла из машины. Проваливаясь в снег, выбралась на дорогу. Иса стоял к ней спиной, засунув руки в карманы «аляски», слегка расставив ноги.

– Идите обратно, в машину, – сказал он, не оборачива-

ясь. – Замерзнете.

– Нет, – сказала Соня. – Я пешком до станции пойду. Она где? Если идти по шоссе, я дойду? Семь километров – это совсем немного...

«Шла Саша по шоссе и сосала сушку!» – мелькнула в голове детская скороговорка.

– Это вам так кажется. А если опять в обморок упадете?

– Не упаду, – упрямо ответила Соня, притоптывая ногами. «Сла Шаша по шоссе и шошала шушку... Шла Саша по соше... Тьфу ты!»

– Ну ладно, не упадете... Но когда окажетесь у станции, электрички уже не будут ходить. Ночной перерыв.

– Да?!

Соня с беспокойством и надеждой взгляделась в даль – успеть бы до ночи на станцию! Пустое шоссе, освещенное редкими фонарями, и ни одной машины.

– Вам холодно! – Иса обернулся, оглядел ее с головы до ног, как показалось Соне – с неприязнью.

Выватил из кармана сотовый, нажал несколько кнопок, потом с досадой сунул сотовый обратно:

– Не ловит ни хрена... Вот что, идемте обратно ко мне. Мы не так уж далеко отъехали.

Соня колебалась недолго. Холодно.

– Да... Вернемся.

Они зашагали по шоссе рядом.

– И что теперь? А как ваша машина? Так ее и бросим? –

спросила Соня.

– Так и бросим. Сегодня бесполезно что-либо делать... Новый год. Завтра буду разбираться со всем этим.

– Ужасно...

– Нет, почему? – пожал Иса плечами. – Мы живы, здоровы. Нам повезло. Хотя не понимаю, что с тормозами случилось... Ведь недавно техосмотр проходил! Ерунда какая-то...

– Это из-за меня. Если бы не я, машина не разбилась бы, – печально произнесла Соня.

– Вы тут ни при чем, – сдержанно произнес Иса. – Гололед...

Впереди показался его дом за высоким забором. Ни одна машина так и не проехала мимо. Ощутимо похолодало.

...Они вбежали в дом.

– Давайте пальто... Проходите, я чай сейчас сделаю. Накиньте на себя вот это!

Соня закуталась в широкий плед, села обратно на диван.

Иса вернулся через некоторое время, поставил на столик поднос с чашками.

– Пейте...

– Вы такой добрый... Спасибо, – сказала Соня, держа в ладонях горячую чашку. – Послушайте... вам столько хлопот от меня!

– Пустяки.

Они помолчали. Соня пила чай, а Иса молчал, глядя в

пространство перед собой. О чем он думал?

– Утром приедет мой сосед из города, я возьму у него машину, отвезу вас к станции...

Только сейчас Соня осознала, что всю эту ночь ей придется провести рядом с Исой. Всю эту новогоднюю ночь...

– Вы ждете гостей? – тихо спросила Соня.

– Нет. Я всех отпустил. У меня работа... Поскольку я главный, то решил никого не напрягать. Пусть люди отдыхают.

– Что за работа? – осмелилась спросить Соня.

– Прудовое хозяйство. Там пруды, рыба в них зимует... Все время надо присматривать. Вот, брал днем пробы воды в проруби... И вас нашел.

– Как интересно... Пруды! А я думала – поле какое-то... А что за рыба?

– Форель. Выращиваем, потом в магазины сдаем.

– Очень полезное дело! – Соня почему-то обрадовалась. – Я... я очень уважаю, когда мужчины чем-то настоящим занимаются, полезным для общества, а не перепродают всякую ерунду... Менеджеры, топ-менеджеры – какая скука!

«Боже, что я за ерунду говорю?!» – ужаснулась она и покраснела.

– А вы, значит, на кондитерской фабрике трудитесь? Очень уважаю, когда женщины занимаются чем-то настоящим! А не шпалы кладут... – улыбнулся он. – Конфеты – это тоже очень полезно.

– И главное, вкусно! – засмеялась она. – Только я не кон-

феты делаю, а рисую обертки к ним. Я художница. Хотите, вас нарисую?

– Хочу.

– Отлично! Где у вас... – она огляделась нетерпеливо. – Чего-нибудь... Карандаш, бумага?

– Сейчас... – Иса принес ей бумажный лист, карандаш.

Соня принялась усердно рисовать.

– Шевелиться можно?

– Нет пока... Я скажу, когда можно... Я быстро! У меня сестра шутит – тебя, Соня, на Арбат, шаржи на прохожих рисовать...

– Вы на меня тоже шарж рисуете? – с интересом спросил Иса.

– Нет. Вот... Как?

– Быстро вы! – Иса взял рисунок. – И похоже, кажется. Я на стену повешу.

– Ну что вы! Это так, безделица!..

– У вас суровая сестра...

– Снежана? Нет, она добрая... Ой, господи! Где моя сумка? А, вот... – Соня выхватила свой сотовый из сумки, принялась нажимать на кнопки. Но каждый раз в телефоне раздавалась мелодичная трель и на экране выскакивала надпись – «нет связи».

– Не соединяют!

– Бывает. Тут связь плохая, а по праздникам вообще не дозвониться, – сказал Иса.

– Да?.. – совсем растерялась Соня. На всякий случай попыталась послать эсэмэску, потом другую, но ее послания немедленно возвращались обратно. – Ужас какой...

– Вас ждут?

– Ну да, я же говорю – мачеха, сестра... Сводная сестра то есть. Они волнуются! – Соня не выпускала телефон из рук, пытаясь то позвонить, то послать сообщение. То на номер Элеоноры, то – Снежаны. – Нет, это день невезения, очевидно! – Она нервно рассмеялась. – И вам, Иса, от меня одни проблемы!

Иса посмотрел на нее, потом встал.

– Я скоро...

За ним захлопнулась дверь. Соня схватилась за голову. Иса ей очень нравился, но ее почему-то не покидало ощущение, что она ему навязывается. И еще Соня про себя знала, что ни один мужчина на свете не захочет быть рядом с ней. Она, Соня, – не для любви и не для брака. Ее дело – рисовать фантики и падать в обмороки.

Соня никогда особо не переживала из-за этого – ну не для семьи, ну не для любви... Подумаешь! Она не видела в окружающих мужчинах ничего особо привлекательного. Того, ради чего хотелось бы изменить свою жизнь. Стать сильной, здоровой, уверенной в себе.

Но Иса...

«Что в нем такого? Почему он меня волнует? Наверное, я просто благодарна ему... Это благодарность!» – решила Со-

ня.

Она посидела еще немного, потом встала, прошлась по комнате. Исы все не было. Соня выглянула в коридор. Зашла в соседнюю комнату. Кажется, это был кабинет Исы – книжные полки во всю стену, письменный стол, кожаный диван.

Соня вздохнула.

Настенные часы показывали начало двенадцатого. «Господи, как время летит!» – ужаснулась она. Вернулась обратно в гостиную, чувствуя себя ненужной и глупой.

– Соня? – в коридоре загрохотало. – Соня, я вернулся!

Она выбежала в коридор. Иса у вешалки снимал с себя куртку, а рядом, прислоненная к стене, стояла небольшая елочка.

– Вот... росла на поле... Весной все равно бы срубили. Там мелиоративные работы собирались проводить. А так хоть пригодилась...

– Елка? Боже мой, елка...

– Я подумал, раз у меня гости, то отчего бы не встретить Новый год по всем правилам? – спокойно произнес Иса. – В холодильнике есть шампанское. Сейчас нарядим елку, и я что-нибудь приготовлю. И давайте на «ты», а?

Эта его речь буквально убила Соню. Подобрал, обогрел, елочку принес, накормить обещал!

– Давайте... – пролепетала Соня. – Давай то есть.

За следующие полчаса она и пальцем не пошевелила. Лишь повесила несколько хрустальных сосулек на елку (Иса

принес коробку с игрушками – «мои, с детства храню»). Все остальное сделал он.

«Таких мужчин не бывает», – подумала Соня, оглядев праздничный стол. Салаты, красиво разложенные фрукты, шампанское в ведерке со льдом...

– А... а где телевизор? – спросила Соня.

– У меня нет телевизора.

– Да?... А... а как же ты...

– Прекрасно! Зато я свободен, – усмехнулся Иса, открывая шампанское. – И кошмары не мучают...

– Это очень правильно! – усердно закивала Соня. – Эти новости... Как посмотришь, так повеситься хочется. Но... как же без кино, например?

– В кинотеатр хожу... – Иса налил шампанское в бокалы. – Хотя, если честно, это редко бывает... Проводим старый год!

– Проводим! – Соня взяла из его рук бокал. Они стояли возле стола, друг напротив друга. Иса был выше ее на полголовы. – Плохой был год, ну его... Слава богу, что закончился!

Она вспомнила Леву Итина, свой сегодняшний обморок – в последние часы последнего дня этого года...

– Хороший был год, – Иса покачал головой, возражая Соне. – Все живы и здоровы. Так? – он пристально заглянул ей в глаза.

– Так... – пробормотала Соня, опять чувствуя неловкость. «Какой он правильный, какой позитивный... таких не быва-

ет! Даже на разбитое авто ему наплевать!»

Соня отпила глоток. «Хорошее... Очень хорошее. Настоящее шампанское! Ох не прост он, этот Иса! В чем подвох, интересно?»

В чем подвох – это любимое выражение Элеоноры, мачехи. Вот недавно Элеонора купила сапожки – и стильные, и недорогие, и удобные... Но недолго она ими восхищалась. В чем подвох, выяснилось скоро, – у сапожек отвалились каблучки, когда Элеонора бегала в очередном торговом центре по распродажам.

Подвох заключался во всем, если подумать и продолжить мысль любимой мачехи.

В погоде (утром – солнце, вечером – дождь), природе (если лето, так тополя пылят, если зима, то грязи по колено), работе (то густо, то пусто), столичной жизни (Москва – город контрастов).

Подвох заключался и в Соне. На вид – молодая, здоровая, хорошенькая. А на самом деле...

– Когда ветер с твоей фабрики, то шоколадом так аппетитно пахнет, – сказал Иса. – У меня рабочие ругаются – все время есть хочется!

Соня засмеялась. От выпитого шампанского (а еще и коньяк до того приняла!) – зашумело в голове, развязался язык.

– Иса, вот ты все правильно говоришь... – издалека начала она о своем, девичьем. Наболевшем. – Что все хорошо,

что надо радоваться, что надо в окружающем только позитив замечать, что не надо ужасы по телевизору смотреть и все такое... Только это не про меня, знаешь. У меня все плохо. И ты мне не говори про позитив, не надо... Ты меня вот спас сегодня, да... Спасибо тебе огромное, конечно. Только зря ты это сделал.

Иса молча смотрел на Соню.

Непонятно, что было в его взгляде – злость, раздражение, жалость?..

Стрелки на стенных часах дрогнули, соединились в одну. Двенадцать.

Иса снова налил в бокалы, заставил Соню чокнуться бокалами.

– С Новым годом, Софья, – спокойно, благожелательно произнес он.

– С Новым годом, Иса, – без всякого выражения произнесла она. Пригубила. Настроение у нее стало – хуже некуда. «А подвох вот в чем: Иса – не для меня. Всем хорош, но не для меня...»

– О чем ты думаешь?

– Жизнь ужасна, – упрямо и мрачно изрекла она.

Иса взял у нее из рук недопитый бокал, поставил на стол. Положил руки на плечи, встряхнул.

– Посмотри мне в глаза.

Соня медленно подняла голову. Завороженно уставилась в его черные-пречерные, чернящие глаза.

– Запомни раз и навсегда... – спокойно, но очень твердо произнес он, словно впечатывая каждое слово в ее мозг. Навечно. Намертво впечатывая. – Запомни: *жизнь – прекрасна!* Ты поняла?

Иса так это сказал – «жизнь прекрасна», с такой стальной уверенностью, что не поверить ему было нельзя. Соня вздохнула. И вдруг, словно по мановению волшебной палочки, вместе с воздухом, входящим в легкие, она – поняла. Поверила. Господи боже мой, а ведь правда, жизнь-то – прекрасна! Несмотря ни на что...

И Соня засмеялась – счастливо и беззаботно. Ей должен был кто-то сказать эти слова – тоном строгим и непререкаемым. Кому может поверить слабая женщина? Только сильному мужчине. Жизнь прекрасна, Сонечка...

– Ты мне веришь? – спросил Иса.

– Верю, – удивленно, растроганно ответила Соня. – Иса, ты даже не представляешь...

– Что?

– Ты ведь только что сделал мне царский подарок...

– Какой же? – улыбнулся он.

– Ты... ты не понимаешь... ты у меня в голове все перевернул! Ты мне жизнь подарил, в самом прямом смысле!

Иса засмеялся и прижал ее к себе – дружески, с приязнью. Соня уткнулась носом ему в грудь. От Исы пахло травой, цветущим лугом. Летний какой-то запах – легкий, сладкий и горький одновременно...

И в этот момент из прихожей раздался звонок.

– Я сейчас... – Иса оторвал от себя Соню, вышел в коридор. – Кто там?

– Иса, это я! – услышала Соня звонкий женский голос, слегка искаженный переговорным устройством. – Иса, открой...

«Упс!» – у Сони сами собой опустились руки.

* * *

– ...Мама, как ты думаешь, я правильно Борю бросила? – крикнула из своей комнаты Снежана.

– Конечно, детка. Он же – Весы. А тебе Весы категорически не подходят. Тебе Рака надо искать или Водолея... – отозвалась из своей комнаты Элеонора.

Элеонора встала перед зеркалом, критично оглядела себя со всех сторон. «Девочка. Совсем девочка! – подумала она. – И ведь никто не скажет, что мне уже сорок девять!»

Особое восхищение у Элеоноры вызывала ее новая грудь. После подтяжки в клинике. Элеонора подгадала так, чтобы сделать операцию за несколько недель до Нового года и окончательно восстановиться непосредственно к самому празднику. Элеонора надеялась, что Витольд Романович наконец соизволит сделать ей предложение. Вернее, предложение он ей сделал уже давно, лет десять назад (когда они только познакомились с Витольдом Романовичем, как раз после смер-

ти Шурика, второго мужа Элеоноры), Витольду Романовичу оставалось только развестись с женой.

Словом, Элеонора очень старалась. Все подгадала, все устроила, навела красоту и романтизм... Новая грудь, новые губы! А Витольд Романович объявил, что и этот Новый год встретит вместе с женой. Но добавил – что второго января придет к своей Элечке и они снова будут вместе, до конца жизни, – как всегда, по вторникам и четвергам!

– Мам, но как-то грустно... Может, стоило порвать с Борей после Нового года?

– Нет. Ты все правильно сделала. Чего тянуть-то? Он Весы. Его мотает из крайности в крайность... А тебе нужна стабильность. Вы категорически не подходите друг другу. Это раньше, при царе, женились раз в жизни, а потом мучились до гробовой доски... А теперь принято включать разум! Надо уметь выбирать! Боря – не твой мужчина, понимаешь?

Снежана не отозвалась. Она в данный момент тоже стояла перед зеркалом и критично рассматривала свою грудь. Был никакой второй номер, стал – убедительный четвертый.

В конце декабря они с матерью устроили шопинг и купили себе бюстгалтеров с небывалыми предновогодними скидками. До скидок бюстгалтеры стоили по десять тысяч, после – всего пять. Выгода – очевидная.

Еще они купили платьев и вечерних туфелек. Тоже со скидками. И помаду: Снежане – от Диора, Элеоноре – от Шанель. Косметику пришлось покупать без скидок, но что ж

поделать... Губы-то новые, надо себя побаловать (Снежана тоже слегка подкачала губы).

Вчера красили волосы: Элеонора – в иссиня-черный, Снежана – в серебристо-белый. У обеих были длинные, ниже лопаток, роскошные волосы (волосы – отдельная статья расходов: шампуни, кондиционеры, маски питательные, маски увлажняющие, гели, стайлинги, пенки, воск для моделирования, спрей для блеска, спрей-термозащита при горячей укладке...)

Поскольку дочь ничего не ответила ей, Элеонора у себя в комнате задумалась.

«Девочке грустно... Надо ее поддержать!»

– Снежаночка... Ты знаешь, я тоже решила бросить Витольда Романовича! – набравшись мужества, крикнула Элеонора и поправила складки своего вечернего платья (Катерина Леман, пятидесятипроцентная скидка). Расцветка – леопардовая, любимая.

– Что?! – изумилась Снежана у себя в комнате. Одернула подол вечернего платья (Карен Миллен, пятидесятипроцентная скидка). Расцветка – а-ля зебра, любимая. – Мам, ты серьезно?

– Абсолютно. Я считаю, что на чужом несчастье счастья не построишь, – сурово изрекла Элеонора. – Я не имею права уводить Витольда Романовича из семьи!

От собственного благородства у Элеоноры защипало в глазах. Она даже заплакала (водостойкая удлиняющая рес-

ницы тушь позволяла это беспрепятственно сделать).

– Мамочка, как это благородно! – вскрикнула Снежана и бросилась в соседнюю комнату, к матери. Повисла у нее на шее и зарыдала (благо, водостойкая утолщающая ресницы тушь позволяла это сделать).

– Спасибо, Снежаночка, что поддержала меня!

– Мамочка, ты чудо, я тебя обожаю! Ты только не расстраивайся!

– И ты не расстраивайся!

Вдоволь нарыдавшись, они принялись пудриться. У одной была пудра с минералами, у другой – с жемчужными блестками. Эсте Лаудер и Герлен соответственно.

– Мам, давай на стол накрывать...

Накануне Элеонора много чего наготовила – и все исключительно диетическое, низкокалорийное и этническое. Суши и роллы с лососем – на закуску, яблочное парфэ – на десерт. Салаты оливье и свиной холодец в этом доме откровенно презирали.

Поставили все на стол, время от времени отвлекаясь на телефонные звонки:

– Людочка, и тебя с наступающим! Снежаночка, тебе привет от Людочки!

– ...Машка, и тебя! И тебе! И твою маму тоже! И мою? Мам, тебе от Машки привет!

В половине двенадцатого к ним в квартиру должна была явиться Соня.

Но она чего-то задерживалась.

– Снежана, зайди за Сонечкой, пожалуйста! А то время-то... – забеспокоилась Элеонора.

Снежана ушла, потом вернулась.

– Мам, она не открывает! Кажется, ее нет дома...

– Как это нет дома? Не может быть! – Элеонора побежала за ключами от соседней квартиры, в которой жила ее падчерица. – Господи, а вдруг она лежит там у себя, опять в обмороке...

Цокая каблуками вечерних туфель и шурша платьями, мать и дочь побежали на лестничную площадку. Открыли соседнюю дверь и, едва сдерживая волнение, вошли.

Тихо и темно. Заметались, точно птицы, по углам, открывая двери, заглядывая зачем-то даже в шкафы.

Никого.

– Мама, мне страшно, – дрожащим голосом произнесла Снежана. – Этого не может быть. Где Соня?

– Может, на работе задержалась? Господи, где мой телефон? Надо позвонить!

Они метнулись к себе. Одновременно схватились за сотовые.

– Нет связи!

– И у меня нет связи!!!

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

– Я с городского сейчас попробую позвонить! – спохватилась Элеонора.

Безуспешно.

– Я говорю, она, наверное, на работе...

– Мама, ну кто же на работе до двенадцати ночи сидит!

Да еще в Новый год! – со слезами в голосе воскликнула Снежана. – Ох, Сонька, дурочка... Ей же предлагали инвалидность, чего она отказалась-то тогда? Сидела бы сейчас дома, под нашим присмотром!

– Снежаночка, паниковать рано. Может, у Сонечки это... романтические обстоятельства.

– Прямо! Она бы нас предупредила!

– Без пяти двенадцать... – испугалась Элеонора. – Надо шампанское открыть!

Открыли, формально выпили под бой курантов. Потом принялись обзванивать знакомых Сони. До большинства тоже дозвониться не смогли, остальные были не в курсе Сониных передвижений.

Нашли телефон кондитерской фабрики «Б. Чиркунов», дозвонились, но им ответил автоответчик.

– Мама, с Соней беда, – твердым голосом изрекла Снежана. – Я это прямо чувствую...

– Я это тоже чувствую! – кивнула Элеонора. – Недаром мне вчера сырое мясо снилось... Это был знак?

– Знак, мама. Тебе вещий сон приснился. А мне вчера снилось, будто я в супермаркет пошла, за продуктами, набрала полную тележку, подхожу к кассам, а там – дикая очередь. А передо мной – старуха. И мелочь считает, считает...

– Жуткий сон какой! – Элеонора даже в лице переменилась. – Это был знак. Старуха – она не просто так, она... Знаешь, что старуха обозначает?

– Что?

– Я думаю, что это был аллегорический образ смерти.

Снежана ахнула, прижав ладони к щекам.

Некоторое время мать с дочерью молча смотрели друг на друга. Потом Элеонора сняла трубку с городского телефона и по новой принялась жать кнопки.

– Алло! Это больница? Скажите, а не поступала ли к вам девушка сегодня... Какая? Черное пальто, светлые волосы... Платье? Господи, я не видела, в каком она платье сегодня утром ушла... Сколько лет? Не-ет, это не наша, у нашей золотых зубов нет... Почему нет зубов? Есть у нее зубы, только свои, натуральные!

Снежана с Элеонорой героически обзванивали все больницы и морги до утра, в перерывах подкрепляли свои силы шампанским и роллами с лососем.

Ни одной более-менее похожей на Соню девушки нигде не нашли, и это очень обнадеживало. Да и шампанское как-то бодрило, вызывало оптимизм...

Под утро Элеонора со Снежаной решили следующее: если Соня найдется более-менее живой, то они просто обязаны выдать ее замуж.

– ...я думаю, все эти ее обмороки – от банальной неудовлетворенности, – сказала Элеонора.

– Да! От банальной женской неудовлетворенности!

– И, потом, муж будет за ней приглядывать...

– Да!

– У нас уже нет сил. Мы не в состоянии.

– Да, да!

– А муж обеспечит ей лечение, отдых...

– Да! – горячо согласилась с матерью Снежана. – Мы выберем ей хорошего мужа. Надежного.

– Точно! – Элеонора поправила себе грудь. – Нет, но какое дивное белье...

– Дивное! Я прямо в восторге... – Снежана тоже принялась щупать свою грудь. – И доктор был душка, который нам операции делал...

– Я не чувствовала никакой боли! Просто заснула, а потом проснулась!

– Мам... А если Соня не захочет замуж? – спохватилась Снежана.

– Естественно, не захочет! С чего это она захочет? Никогда не хотела, а тут вдруг захочет?! Не-ет, наша задача – уговорить ее.

– Надо сделать все тонко. Очень тонко!

– Да. У Людочки есть знакомый. Холостой. Развелся год назад, – Элеонора уже разрабатывала план на ходу. – Очень простой человек (нам такой не подойдет, а Соне – как раз). Но – порядочный!

– В смысле – простой? Бедный, что ли? Мы Соньку за бед-

ного не отдадим...

– Да не бедный он! Простой – в смысле, строительством занимается. Прораб, или кто он там...

– Отлично. Значит, претензий меньше будет. Соня наша, если подумать, тоже далеко не подарок. И слава богу, если этот прораб согласится взять Сонечку, с ее-то проблемами! – Снежана промокнула салфеткой глаза.

– Ты абсолютно права, абсолютно... – на ресницах Элеоноры тоже задрожали слезы. Она промокнула глаза салфеткой. Посмотрела на салфетку – мокрую, но чистую. – Все-таки обожаю эту тушь...

* * *

...В комнату ворвалась женщина – худая, с коротко стриженными, под мальчишку, черными волосами. В брюках и свитере. Без грамма косметики на открытом, оживленном лице.

– Иса, обманщик, а говорил, что не будешь отмечать... – женщина уставилась на елку, засмеялась. – А я думаю – как там он, скучает, наверное? Вот решила проведать... Ты рад?

– Очень. Лена, познакомься, это Соня, – спокойно произнес Иса.

Женщина дернулась – она только что заметила гостью.

– Здравствуйте, – сказала Соня. – С Новым годом вас.

– С Новым го... Послушайте, я, кажется, помешала... –

Лена попятилась, шаря руками в воздухе, точно слепая.

– Лена, не дури. Садись.

– И стол... а я-то, как дура, салатов притащила... а тут все есть... – потрясенно бормотала Лена. Она была симпатичной, несмотря на полное отсутствие косметики и почти мужскую одежду.

– Лена! Где твои салаты? Не пущу! – с напускной суровостью закричал Иса, перехватил Лену у двери.

– Иса, нет! Я пойду! – в голосе Лены послышались слезы. И злость – на себя?..

– Ленка...

Соня отвернулась. Она чувствовала неловкость и тоже злость. В ее случае совершенно точно – на себя.

Потому что Иса уже успел поразить ее воображение. И, как и всякая женщина, Соня с первых минут знакомства представила себя рядом с Исой. Иса вызвал в ней волнение. Желание прижаться к нему. Она уже прижималась щекой к его груди, она вдыхала его запах. Он вполне мог быть *ее* мужчиной.

И самое-то главное – Иса не вызвал в ней отторжения, как все прочие, включая ненавистного Леву Итина.

Соня, как говорят в народе, уже «успела раскатать губы» насчет Исы. Ан нет. Тут Леночка какая-то явилась.

«Боже, какая я дура... Инфантильная дура! – подумала Соня. – Ведь мне даже в голову не пришло, что у Исы может кто-то быть!»

– Лена, я не знаю, что вы подумали, но я – случайная прохожая! – решительно поднялась из-за стола Соня. – Я здесь оказалась совершенно случайно и завтра же уеду, когда автобусы начнут ходить... Да я и сейчас могу... уйти. Иса, я посижу на кухне, ладно?

– Ну что за бред! – рассердился теперь уже и Иса. – Не надо никакой кухни... Будем вместе Новый год праздновать. Соня, вернись! Ленка, прекрати, что на тебя нашло? Сядь! Сейчас налью шампанского...

Соня с Леной оказались друг напротив друга за столом.

– Вот любят женщины на пустом месте трагедию разводить... – ворчал Иса, протирая бокалы. – Я не понимаю, почему нельзя цивилизованно договориться...

«Нельзя, – печально подумала Соня. – Нельзя, потому что каждая из нас уже успела придумать свое будущее с тобой. И я, и Лена эта... Она тебя давно знает, так напридумывала в тысячу раз больше».

Ситуация была примерно ясна Соне: у Лены с Исой явно что-то намечалось. Еще не началось (если бы началось, то Лена вела бы себя немного по-другому), но оставался буквально один шаг. Последний. Его Лена и собиралась сделать сегодня, когда пришла этой новогодней ночью к Исе. А Соня ей спутала карты...

– С наступающим!

– Иса, и тебя...

– Соня!

– Ленка, отличные салаты! А ты хотела их унести...

– Да и ты мастер, как я посмотрю!

Затем Иса рассказал Лене, как нашел Соню. Соня мило улыбалась во время его рассказа, но ни слова не сообщила о своей странной болезни (а смысл?). Не хотелось ничего объяснять, не хотелось портить настроение окружающим разговорами про болезни... Упала и упала. Иса нашел – спасибо ему. Лена повеселела. Смеясь, призналась, что почувствовала себя третьей лишней, когда явилась среди ночи к Исе и застала тут незнакомую девушку.

Потом Соня рассказала о кондитерской фабрике «Б. Чиркунов», на которой она работала художником-оформителем.

И Иса, и Лена дружно признались в любви к шоколаду «Б. Чиркунов».

После разговоров о шоколаде последняя натянутость исчезла, и болтали уже о чем ни попадя. Веселились. Соня окончательно смирилась с тем, что с Исой у нее ничего не будет. Даже мечтать бесполезно. «А что, я с самого начала это знала! – напомнила себе Соня. – Хорошие мужчины просто так на дороге не валяются, как говорит Элеонора...»

Потом Лена заставила Ису включить музыку. Сама пригласила его. Они танцевали, а Соня в это время пристально разглядывала переплетение нитей на скатерти.

Когда закончилась мелодия, Иса усадил Лену и пошел к Соне («потанцуем?»), но Соня решительно отказалась. Ей такая справедливость была ни к чему. Зачем? Только все или

ничего... Соня заметила, как еще больше расцвела Лена после ее отказа.

«Детский сад какой-то!» – усмехнулась Соня. Ей уже хотелось спать.

Потом Иса с Леной заговорили о работе. Закупка кормов, компенсация рыночной ставки кредитов, «товарная» рыба, маточное стадо, подращивание личинок, зарыбление нагульных прудов для зимнего выращивания... (Мимоходом выяснилось, что Иса закончил МГУ, биологический факультет. Он – ихтиолог.) На «зарыблении» Соня нечаянно уснула, привалившись щекой к спинке дивана.

Проснулась, когда за окном уже было светло. Солнце!

Как ни странно, но настроение у Сони было великолепное.

Все хорошо.

Люди – добрые.

Мужчины бывают – настоящие, и неважно, что они принадлежат другим женщинам. Бывают же!

А главное: жизнь – прекрасна, несмотря ни на что!

– Доброе утро! – в комнату вошел Иса.

– О, я уснула... А Лена где?

– Ушла.

Он стоял, прислонившись к дверному косяку. Сейчас, при дневном свете, Иса казался старше. «Сколько ему? Лет тридцать? Тридцать пять?»

– Я тоже пойду, – сказала Соня.

– Я провожу.

– Нет-нет, от меня и так столько беспокойства... – засмеялась девушка. – Это же надо, такое приключение со мной вчера случилось... Со мной никогда никаких приключений не случилось, а тут...

– Я провожу, – спокойно, но тоном, не терпящим возражений, повторил Иса.

...Ослепительно-яркое солнце. На снег было больно смотреть. И холодно. И хорошо.

– Прошу... – Иса распахнул дверцу очередного внедорожника.

– Главное, этот бы не разбить...

– Соня! – укоризненно воскликнул Иса. – Это машина моего соседа, между прочим!

– Ой, прости... Глупости говорю.

Она села на переднее сиденье.

Иса тронул машину с места. Вел медленно, осторожно.

– Иса, а личинки – это кто?

– То есть?... А, мальки.

– Мальки! – засмеялась Соня. – А я себе вчера каких-то насекомых успела напридумывать. Значит, вы тут рыб выращиваете?

– Выращиваем.

– Сложно?

– Да как сказать... Сложно. У нас, в России – сложно. Хотя в развитых странах – это очень выгодный бизнес. В Норве-

гии, например, рыбоводство на втором месте по доходности, после нефтяного бизнеса. В Финляндии выращивают около 20 тысяч тонн форели и лососевых в год.

– Потрясающе! – воскликнула Соня и попыталась представить 20 тысяч тонн рыбы.

– Это там, – повторил Иса. – У нас, повторю, все не так шикарно. Это не высокорентабельный бизнес... Если выращивать рыбу в искусственных условиях – результаты великолепные, но требуется много вложений. На оборудование, биостимуляторы, технические средства для подогрева воды, обогащение ее кислородом... Но у нас рыбу выращивают в основном в естественных условиях.

– И что?

– А то, что выживаемость при этом падает на семьдесят процентов. А труда сколько! Три раза в день приходится измерять температуру воды и содержание в ней кислорода. Причем эти параметры меняются в течение суток. Ветер подул – кислород есть. Штиль – кислорода мало...

Соня слушала его, откинув голову назад, краем глаза наблюдая пейзаж за окнами.

Лес, какие-то домишки, поле, лес, станция, потом пригород с вереницей многоэтажек...

– Иса! – вдруг всполошилась Соня. – Что ты делаешь?

– Что?

– Мы же станцию уже проехали!

– Ну да.

– Мне на станцию надо... Где электрички! Чтобы в Москву... Меня дома ждут! С ума сходят, наверное!

– Я понял, понял, – успокаивающе произнес Иса, крутя руль. – Мы и едем в Москву. Ты где там живешь?

Соня ошеломленно замолчала. Во-первых, ее в очередной раз поразила доброта Исы, во-вторых... Они едут к ней домой. А уж там точно никакой Леночки не будет!

Соня посмотрела на смуглые руки Исы, лежавшие на руле. Потом покосилась на его профиль – чеканно-правильный, смуглый... «Ликом черен и прекрасен».

– Соня!

– А?

– Я спрашиваю – куда тебя везти?

– А-а... улица Генерала Хвостова, дом семь, квартира тридцать девять, пятый этаж...

Иса засмеялся, показав ослепительно-белые зубы.

«Господи, что я несу? – с ужасом подумала Соня. – Этаж-то тут при чем? И номер квартиры?... И вообще, он, может, и не собирался ко мне заходить... Надо было ему только улицу сказать, а я... он просто хороший человек, а я бог знает что вообразила! И вообще, у него Лена есть...»

Соня мучительно переживала свою глупость. И неумение кокетничать. Другая бы на ее месте... Вот Снежана или даже Элеонора – нашлись бы, сказали бы что-нибудь остроумное, веселое, а она...

Пробок не было, Москва утром первого января выглядела

удивительно пустой.

Стрелой промчались по проспекту.

– Сейчас куда? – спросил Иса.

– Сейчас направо. Потом во двор, за аптекой...

Они остановились у подъезда. Соня из окна оглядела двор – никого. Черный от фейерверков снег, запутавшаяся мишура в голых ветвях деревьев...

– Вот здесь я живу... – Соня принялась отстегивать ремень безопасности.

Иса вышел из машины, открыл дверцу, протянул ей руку. Соня взглянула в его лицо – такое странное и такое необычайно притягательное. «Если бы он захотел, я бы душу ему отдала... Все отдала бы!» – вдруг осознала она.

– Ты такой добрый! – вырвалось у нее.

– Перестань! Ерунда какая... обычное дело – проводить девушку до дома. Идем. Пока тебя до двери не доведу, не успокоюсь.

Они вошли в подъезд, Соня набрала код.

В лифте они стояли рядом, и Соня опять уловила этот легкий, летний аромат, горький и сладкий одновременно...

Вышли из лифта.

– Ну вот... Спасибо тебе, Иса. – Соня принялась копаться в сумочке, ища ключи. Надо было спросить – «кофе хочешь?» – хотя бы из вежливости (вез же ее человек в такую даль!), но Соня была немного не в себе.

Она еще надеялась, что Иса войдет в квартиру вместе с

ней и все произойдет как-то само собой, случайно и естественно, без лишних слов и ухищрений. О Лене Соня старалась не вспоминать.

И в этот момент с грохотом распахнулась дверь, ведущая в соседнюю квартиру. Из нее выскочила Элеонора – в роскошном платье леопардовой расцветки, на немыслимых шпильках, грива черных волос закрывала правую половину лица...

– Соня! – трагически прошептала Элеонора.

И тут же, вслед за матерью, на площадку выскочила и Снежана – в роскошном платье черно-белой, под зебру, расцветки, на немыслимых шпильках, грива белоснежных волос закрывала левую половину лица...

– Сонечка! Жива!

– Соня, детка, мы тут с ума сходим...

– Соня, мы все морги, все больницы...

– Соня? – осторожно, с ужасом, спросила Элеонора, глядя на Ису. Потом, для лучшего обзора, убрала прядь волос с правого глаза. Снежана синхронно откинула прядь волос с левого глаза и тоже вытаращилась на Ису.

– Здравствуйте, – вежливо произнес Иса. – С наступившим вас!

Снежана и Элеонора молчали.

– Иса, познакомься – это моя ма... это моя вторая мама, Элеонора, а это моя сестра Снежана... Иса, может быть, ты хочешь кофе? – наконец решилась спросить Соня.

– Ка... какой кофе... – прошептала Элеонора. – Мы тут...

мы тут валерьянку пьем всю ночь!

– Все морги, все больницы... – прошептала Снежана.

– Милые, простите, я не могла дозвониться... Сейчас все расскажу... если бы не Иса...

– Иса?

– Иса?!.

– Да, это Иса помог мне. Иса – необыкновенный!

Снежана и Элеонора посмотрели на Ису так, словно перед ними стоял сам черт.

– Соня, нам надо поговорить с тобой, – сурово произнесла Элеонора. – На мне, как на твоей приемной матери, лежит огромная ответственность...

– Срочно надо поговорить! – свирепо воскликнула Снежана и схватила Соню за локоть.

– Ладно, не буду мешать... Мне тоже пора, – улыбнулся Иса как ни в чем не бывало. – До свидания, Соня. До свидания, Снежана и Элеонора. Еще раз с наступившим вас всех!

Он нажал на кнопку. Двери лифта немедленно распахнулись, и через несколько мгновений лифт с Исой уже ехал вниз.

«О господи... – подумала Соня. – Все. Вот и все!»

У нее было примерно такое чувство, как в начале осени – когда дожди и холода вдруг резко сменяют летнюю благодать...

Тоска и – смирение. Ничего нельзя изменить.

Ни-че-го. Иса уехал.

В квартире у Сони ахи, охи, стоны продолжались. Вновь прозвучал бессвязный Сонин монолог: шла по лесу, заблудилась, упала, очнулась у Исы. Новая волна ахов, охов, стenanний. Снежана даже порывалась рвать на себе волосы... Матери пришлось держать ее за руки. Соня повторила свой монолог. Произошедшее она рисовала исключительно в благостных, возвышенных тонах.

Вопросы. Ответы. Вопросы уже с пристрастием: «Сонечка, а между вами правда ничего не было?» – «Клянусь!» – «Сонечка, ты можешь ничего не скрывать, мы твои родные! Мы все поймем! Мы любую тебя примем!» – «Да не было ничего! Хотела бы, а нет!» – вырвалось у Сони. Новая волна воплей: «Как это – хотела бы?» – «А почему нет? Я взрослая женщина! Мне тридцать лет скоро!»

Пауза.

Снежана и Элеонора уже немного успокоились – поскольку Соня была жива-здорова. Но, с другой стороны, их явно начали обуревать новые страхи.

Они переглянулись многозначительно.

– Соня... Соня, он – кто?

– Иса? Он человек.

– Это понятно, что человек... Но кто он по национальности? – скорбно спросила Снежана.

– А какая разница? – возмутилась Соня. – Вы что, эти... шовинистки?

– Мы?! – побледнела Элеонора. – Упаси бог! Мы просто

желаем тебе добра... Дело не в национальности... Вон у Людочки первый муж был кубинец, такой знойный мужчина...

– А моя вторая любовь – Джон? Американец, между прочим! – напомнила Снежана с эпическими интонациями в голосе. – Если бы не война в Персидском заливе...

«Началось! – с тоской подумала Соня. – Если Снежана вспомнила о войне в Заливе – то это надолго...»

– А у Раисы Кондратьевны, моей тети, муж этот... киргиз... кыргыз то есть! – старательно произнесла Элеонора. – До сих пор они душа в душу... Снежаночка, помнишь тетю Раю?

– Конечно, помню! – страстно закричала Снежана. – Так вот, если бы не эта проклятая война в Заливе, то мы бы с Джоном...

– Тогда при чем тут национальность?! – закричала Соня, не давая сестре в полную мощь развернуть свои воспоминания.

– Так твой Иса – цыган!!! А цыгане...

– Гитлер тоже не любил цыган! – нашла Соня убийственный аргумент.

– Ты свою вторую мать с Гитлером сравниваешь? – в этот раз уже Элеонора схватила себя за волосы.

– Мама, не надо! – перехватила ее руки Снежана.

– Иса не цыган!

– А кто он?

– Да, кто он?

Соня помолчала. Потом произнесла решительно:

– Я не знаю. Но он очень хороший человек. Благородный и добрый.

– Ты в него влюбилась? – пристально посмотрела на сестру Снежана.

– С первого взгляда?! – заглянула в глаза приемной дочери Элеонора.

Молчание.

– Соня... Соня, тебе надо замуж.

– Срочно надо замуж!

– Я не хочу замуж, – угрюмо буркнула Соня.

– Здравствуй! Ты уже на незнакомых мужчин в лесу начала бросаться!

– Соня... – дрожащим голосом произнесла Элеонора. – Если ты... Если ты не выкинешь из головы этого Ису... вот прямо сейчас, сию секунду, то я... То я повешусь. Честное слово.

– И я тоже повешусь! – иступленно произнесла и Снежана.

– Да забуду я о нем, чего вы так переполошились! – перепугалась Соня. – Тем более что у него уже есть девушка. Я ему не нужна.

Она достала из сумки подарки.

– Это тебе, Элечка... А это тебе, Снежаночка. С Новым годом вас!

– Боже мой! – прослезилась Элеонора. – Кензо... Ах, я

обожаю этот аромат...

– Ив Сен-Лоран... Блеск для губ. Бледно-розовый... мой цвет!.. – растрогалась Снежана. – И лак для ногтей... Какая прелесть!

Инцидент на этом был моментально исчерпан. Все трое поплакали, обнялись и разошлись. Все-таки ни один психотерапевт, даже самый лучший, в подметки не годится Кензо и Иву Сен-Лорану...

Поздно вечером, уже одна, Соня листала журнал. Это был один из тех журналов, которые обожала ее мачеха – гламур пополам с мистикой. И надо же – статья о рыбах! То есть очередное напоминание об Исе...

«Рыба – символ сексуальности, но и холодности, а также равнодушия и глупости...»

– Ничего себе! – удивленно воскликнула Соня и с еще большим интересом погрузилась в чтение.

«...рыба – это образ животворящей силы воды, но, с другой стороны, вода – это символ разложения.

Многие виды рыб опасны. Крупные акулы нападают на людей, скорпены и иглобрюхи ядовиты. Есть скаты с острыми хвостовыми шипами, начиненными ядом или электричеством... Библейский Левиафан, часто изображаемый в виде рыбы, – олицетворение тьмы, смерти, водного хаоса...»

– Ужас какой!

«...в христианстве рыба – символ Христа. Слово «ихтис» расшифровывалось как аббревиатура формулы «Иисус Хри-

стос, Божий Сын, Спаситель».

– Спаситель...

«...в эпоху Средневековья рыба стала символом духовной сущности, сокрытой под видимым покровом вещей...»

Соня оторвалась от журнала, закрыла глаза. «Символ. Духовная сущность. То, что скрывается под видимым покровом вещей... – мысленно повторила она. – Кто он, этот Иса? Скучный, правильный зануда или святой? Дурак или умный? Холодный или сдержанный? Кровь или вода течет у него в жилах? Ихтис... В любом случае, Иса – мой спаситель!»

* * *

Прошла почти неделя.

Соня окончательно смирилась с тем, что никогда не разгадает тайну Исы, что никогда им не быть вместе. Если бы Иса хоть как-то был заинтересован в Соне, он, разумеется, сто раз успел бы объявиться. Но – нет его...

И, потом, Лена.

Наверняка эта самая Лена уже добилась своего. Они с Исой вместе, и их роман в начальной, самой острой стадии. Радости узнавания и все такое прочее. Цветы и конфеты (подарочные наборы шоколадной фабрики «Б. Чиркунов»).

Воображение Сони вырвалось из-под контроля и нарисовало бурный роман Исы и Лены. Вот как у них все произошло: Иса возвращается из Москвы домой, встречается с Ле-

ной, еще раз клянется, что Соня для него ничего не значит... Видит переживания Лены, понимает, что та в него по уши влюблена, начинает ее утешать, остановиться не может, естественно, и – пошло-поехало... Иса, как честный человек, теперь обязан сделать Лене предложение.

«На ее месте должна быть я!» – с тоской думала Соня. И все время вспоминала свои ладони в руках Исы. Сплетенные пальцы...

Еще ни о ком и никогда Соня так не тосковала.

Но ей в голову даже не приходило, что она могла бы отбить Ису у Лены. Она, Соня, не принадлежала к тем роковым женщинам, которые привыкли ходить по трупам соперниц.
...Звонок в дверь.

Соня, точно ополоумевшая, бросилась открывать – на пороге стояли Элеонора и Снежана.

– А, это вы...

– А ты кого ждала? – возмутилась Элеонора.

– Ты занята? – строго спросила Снежана.

– Я никого не ждала. – Соня постаралась взять себя в руки. – Готовлю очередной макет. Конфеты к Восьмому марта...

– Подождут твои конфеты! – Элеонора отставила Соню в сторону и прошла в комнату. Вслед за ней – Снежана. – В общем, так, Сонечка, мы не чужие тебе люди...

– Мы тебя любим! – сурово воскликнула Снежана и смахнула слезу с ресниц. – Собирайся.

– Куда?

– Как куда? На распродажу! – страстно воскликнула Элеонора.

Один раз Соня была на распродаже с мачехой и сводной сестрой. В огромном торговом центре за Кольцевой автодорогой. Долго добирались через пробки (казалось, вся Москва ринулась на шопинг в эти подмосковные супермега-гипермаркеты). И целый день мотались по гигантскому торговому центру, от одного магазинчика к другому. Очередь в примерочную, очередь в кассу, очередь в ресторан быстрого питания, за чашкой кофе... Одни и те же разговоры в примерочных кабинках: «Девушка, принесите другой размер! Соня, ты переделась? Ну-ка, выйди... Снежана, ты тоже выйди!»

«Мам, это не ее размер!»

«Нет, размер ее, это цвет не ее... Девушка!!! Принесите то же самое, но голубого цвета!»

«Эля, Снежана... Я устала».

«Как это – ты устала?! Отдохнем потом, когда закончатся пятидесятипроцентные скидки!»

«Она устала... А нам что, потом по дисконтам мотаться?! Все в затяжках покупать? Мереное-перемеренное? Ну уж нет!»

«Ты бы еще, Сонечка, нас в сток зазвала! Это чтобы я в свои сорок лет по стокам моталась...» – Элеонора принципиально округляла свой возраст в меньшую сторону.

Элеонора и Снежана относились к магазинным скидкам как к чему-то святому. Во-первых, денег им вечно не хватало (покупать вещи за полную стоимость – расточительство), во-вторых, покупки без интриги, без переживаний – неинтересны.

Распродажи – это как охота.

Распродажи – это настоящая жизнь.

При слове «распродажа» Снежана с Элеонорой вздрагивали, точно от электрического разряда, в их глазах вспыхивал блеск. Они начинали трепетать. Высшее наслаждение – вернуться домой с горой покупок, сделанных по небывалым скидкам. И величайшее разочарование – вернуться домой совсем без добычи... ну или там с одним платишком, приобретенным за полную стоимость. Да и то – от отчаяния.

Поэтому, услышав заветное слово «распродажа», Соня в ужасе закричала:

– Я никуда не поеду!

– А мы никуда и не поедem, – торжественно произнесла мачеха. – На соседней улице открыли торговый центр.

– Господи, Соня, мы же тебе все уши прожужжали – скоро рядом откроют торговый центр... Большой, удобный, в двух шагах... Будет и на нашей улице праздник! Спасибо тебе, Господи... – сказала Снежана. И от избытка чувств даже перекрестилась на настенный календарь.

– Мне ничего не надо. У меня все есть. Идите сами, девочки! – быстро отозвалась Соня.

– Это у нас все есть. А у тебя – ничего! – покачала головой Элеонора.

– Мы идем на распродажу ради тебя, – с видом мученицы подхватила Снежана. – Тебе нужно платье.

– Мне не нужно платье.

– Нужно. У тебя вечером свидание. У Людочки есть знакомый, так вот мы... – начала Элеонора.

– Замечательный мужчина. Холостой! – продолжила Снежана.

– Свидание? С кем? Вы его видели? – снова с ужасом спросила Соня.

– Мы его не видели, но Людочка клянется, что он прекрасный, прекрасный человек... В общем, собирайся, Сонечка. Сейчас быстренько в магазин, купим тебе платье, а потом ты пойдешь в ресторан... Алексей тебя там будет ждать.

– Александр! – поправила Снежана Элеонру. – Его зовут – Александр.

Александр – это не Иса. Зачем Александр, если нужен только Иса? Соня хотела отказаться.

Но как тогда перестать думать об Исе?

– Ладно. Я согласна, – вдруг сказала Соня.

Снежана и Элеонора переглянулись – они, видимо, были не готовы к тому, что Соня так легко и быстро согласится.

– Отлично, – неуверенно произнесла Элеонора.

...Соня была поражена жертвенностью своих родных.

Снежана и Элеонора и в самом деле ничего не искали для

себя. Они искали платье – исключительно для Сони! Их даже не тронули семидесятипроцентные скидки в «Альбе»!!!

Лишь у Элеоноры слегка задержалось веко, когда они проходили мимо витрины с надписью «Sale».

– Потом, все потом... – обморочным голосом, точно в забытьи, пробормотала Снежана.

Соня была так тронута их самопожертвованием, что примеривала все платья подряд.

– Это надеть? Хорошо. И это? Несите... Ну и это давайте, девочки!

Здесь надо заметить, что Соня не принадлежала к тем женщинам, которые равнодушны к одежде и готовы хоть в пыльном мешке ходить, утверждая, будто содержание важнее формы. Ничего подобного!

Соня любила принарядиться, но – без фанатизма. Она была согласна с утверждением, что встречают по одежке, правда, тратить на шмотки всю свою жизнь ей казалось бессмысленным.

...Выбрали темно-синее платье, отрезное по линии талии, низ – юбка-«тюльпан», пояс из того же материала, интересный вырез и рукава три четверти.

– В английском стиле... – сказала Элеонора, оглядывая Соню в обновке. – Просто, но та простота дорогого стоит!

– Где ж дорого, когда скидка двадцать процентов... Мы еще дешево отделались! – возразила Снежана.

– Я о другом... Потрясающая вещь, да, Сонечка?

Соня была вынуждена согласиться.

– Сапожки у тебя есть – те, итальянские, что мы осенью купили... Сейчас сделаем тебе прическу, макияж, и ты пойдешь к Алексею...

– Мам, его зовут Александр! – вспылила Снежана. – И отдай свою сумку Соне, что тебе Людочка из Парижа привезла...

– Ах, если бы у тебя еще были бриллианты, Соня...

– Мне не нужны бриллианты! – необдуманно брякнула Соня. – Это пошлость...

– Настоящие, красивые бриллианты – пошлость? – едва не задохнулась от возмущения Элеонора.

– Вот именно – настоящие и красивые! А если я люблю только крупные украшения? Где я бриллианты такие здоровущие найду? – попыталась Соня успокоить маму. – Все-таки, Элечка, нет ничего лучше бижутерии...

– И не хочу слушать про твою пластмассу! Снежана, отдай ей свои бусы из речного жемчуга!

– Да, мама! – бодро кивнула Снежана.

...Общими усилиями Соню подготовили к свиданию.

В 18.00 ее вытолкали из дома.

В 18.10 она зашла в мексиканский ресторан, что располагался неподалеку. «Свидание «вслепую»... И как я могла на это согласиться?» – с сомнением и тревогой размышляла Соня. Но она подстегивала себя тем, что ей непременно надо выкинуть из головы Ису!..

– Меня ждут, – сказала она распорядителю зала.

– Прошу...

В зале было полно народу, но в основном все сидели парами и большими компаниями. Лишь за угловым столиком располагался одинокий мужчина с газетой. В глаза бросались его рыжие гуцульские усы.

– Простите... Вы – Алексей? То есть Александр!

– Соня? – мужчина, не вставая, подвинул к ней стул. – Будем знакомы.

– Здравствуйте... – Соня опустилась на стул.

– Что будем есть? Хотя цены тут... – мужчина зашуршал меню. – Совсем люди совесть потеряли!

Соня посмотрела на Александра, как кролик на удава. Она боялась таких мужчин. Каких обычно принято называть «настоящими мужиками». То есть – грубоватых и прямых. Которые привыкли резать правду-матку в глаза.

На Александре был костюм с галстуком, но они смотрелись на нем несколько чужеродно. Особенно на контрасте с усами.

– О, пивасик... Закажем? – оживился Александр. И через мгновение: – Да они что, обалдели? Я пять бутылок за эту цену куплю...

Соня, в новом платье, с тщательно уложенными волосами, сложным макияжем, в итальянских сапожках, которые тесно-тесно обхватывали ей икры, щедро политая новым парфюмом Элеоноры, с шеей, укутанной в речной жемчуг, ощу-

тила тоску. «Не хватало только в обморок упасть!» – испуганно подумала она.

– Давайте уйдем отсюда, – проямлила Соня.

– Это еще почему?

– Ну если вам кажется, что дорого...

– Да что я, нищий, что ли? – возмутился ее новый знакомый. – Я это все потому говорю, что они совсем совесть потеряли – за нашу «Балтику» столько драть... А «Хольстен» у них вообще в два раза дороже! Девушка, ноль пять «Балтики»! И бокал красного для дамы.

– Есть будем? – спросила официантка.

– Орешков мне... А ты что хочешь? – обратился Александр к Соне.

– Ничего. У меня нет аппетита...

– Да ладно! Не люблю я, когда выпендриваются... Принесите ей этот... буррито.

Официантка ушла. Соня молчала.

– Слушай... Короче, я человек серьезный, мне не до сантиментов. Ты привыкай. Работаю прорабом, на стройке. Работа сволочная, устаю как собака... Но жену никогда не обижу. И не обману. Надежный я.

Соня моргнула. Она верила Александру. Настоящий мужик. И, похоже, действительно надежный... Но от этого он не стал нравиться ей больше.

Официантка принесла пиво с вином.

– ...Я, когда Людка сказала, что хочет меня с дочкой Эле-

оноры познакомить, решил сразу отказаться... Знаю я их. И Элеонорку, и Снежанку. Ты уж прости, но они чумички те еще. Одни тряпки на уме. И силикон изо всех дыр лезет. А Людка говорит: «Не, у Элеонорки падчерица еще есть... Она не такая, она другая!» Ты то есть. Ты ведь не тряпичница? Силиконом не увлекаешься? – Александр подозрительно оглядел Соню, сосредоточив особое внимание на ее бюсте. Наверное, хотел определить, экспериментировала ли Соня над собой или нет.

Официантка принесла буррито.

– Это что? – пошевелил усами Александр.

– Это буррито, – с нежностью, проникновенно произнесла официантка.

– Ни фиги себе... А выглядит как шаурма.

Официантка вытаращила глаза и попятилась, зачем-то прикрываясь подносом.

– А что я такого сказал?... – обратился Александр к Соне. – В самом деле, шаурма шаурмой! Назвали иностранным словом и дерут теперь втридорога...

Соня вздохнула.

– Ты готовить умеешь?

– Я? Да, умею, – кивнула Соня обреченно. «Надо бежать отсюда... А как? Без повода вроде как неудобно!»

– Нет ничего лучше домашней пищи, – щелкая орешки, убежденно произнес Александр. – У меня мать пироги пекла... С мясом, картошкой, грибами. Такой запах по дому

шел! А тут вроде ресторан, а дихлофосом каким-то несет... – он подозрительно принюхался, опять пошевелив усами.

– Это, наверное, моими духами пахнет.

– Да?! – Александр наклонился к Сониному плечу, вдохнул. – Опаньки... Вот я влип! И правда, твоими духами...

– Это хорошие духи, – убитым голосом произнесла Соня. – Я их Элеоноре подарила на Новый год.

– Дорогие? – с сочувствием произнес ее новый знакомый.

– Не очень. Четыре тысячи рублей.

– Сколько?!

– Четыре тысячи. Но у меня карточка с двадцатипятипроцентной скидкой, так что они мне обошлись в три тысячи, – поспешно добавила Соня.

– Сколько?!.

– А сколько, по-вашему, должны стоять хорошие французские духи?

– Вот именно что – хорошие! А за этот дихлофос я бы и рубля не дал. Я вот до сих пор помню, какие у матери духи были... Ландышем пахли, настоящим живым ландышем! Слушай, если у нас завяжется, я тебе другой парфюм куплю. Приличный.

– Спасибо, – кротко отозвалась Соня. – Вы добрый.

– И, пожалуйста, не штукатурься так, – доверительно произнес Александр. – Я люблю, чтобы все натуральное было. То есть это твое дело – краситься или нет, я тебе просто свое мнение высказываю... Да ешь ты эту шаурму, остынет же

она!

Соня взяла в руки вилку.

– У меня друг был... – задумался, вздохнул Александр, глядя Соне в тарелку. – Короче, он в обед шаурму себе купил. Эх...

– И что?

– Умер. Тяжелое отравление. Да ты ешь, ешь, это же и не шаурма у тебя вроде на тарелке... Ежели б он на день раньше в больницу обратился, то его бы спасли. А он, дурень, имодиума наглотался. Мне потом объяснили – когда серьезное отравление, закрепляющих таблеток пить нельзя, надо, чтобы само все вышло... Посидел бы день на унитазе, чего такого! Все бы и вышло – организм сам себя очищает! Ты чего такая бледная, а?

– Н-ничего...

– Людка намекала, что у тебя проблемы со здоровьем. Правда?

– Правда! Да-да, у меня проблемы! – слегка оживилась Соня. – Мне даже инвалидность предлагали!

– И чего – не взяла?

– Нет. А что?..

– А зря! Тут люди сами деньги платят, чтобы им инвалидность дали, а ты отказалась! – возмутился Александр.

Соня уронила вилку.

– Эх ты, недотепа... – кряхтя, Александр полез под стол. – Но ничего, со мной, может быть, оклемаешься... Будем вме-

сте по утрам холодной водой обливаться.

Соня уже примерно все об этом Александре поняла. Нормальный дядька. И вовсе не жадный, как могло показаться на первый взгляд. И общепит правильно ругает! И не бросит, и заботиться готов!

Но он – не ее человек. И она – не его.

В этот момент у Сони зазвонил телефон.

– Алло!

– Сонечка, как? – шепотом спросила Снежана.

– Все хорошо, – деревянным голосом ответила Соня, глядя, как Александр пытается вылезти из-под стола.

– Он тебе понравился?

– Потом поговорим.

– Классный дядька, да?

– Да.

– Ой, мы так с мамой рады... Не то что этот твой черномазый! Еле выгнали...

– Как это? – насторожилась Соня.

– Да был этот твой цыган, в дверь звонил... Мама вышла и сказала, что тебя нет.

– Давно? – спросила Соня.

– Что – давно?

– Давно он заходил?

– Да только что... Но уже ушел, ушел! Так что ты не беспокойся... Все, до встречи. Целую!

Соня нажала на кнопку отбоя. «До дома недалеко. Дорога

одна. Если он только что ушел, то я, может быть, успею...»

– Саша!

– А?

– Мне надо бежать. Все, пока! – Соня сорвалась с места. Схватила с вешалки пальто и рысью помчалась вон, не обращая внимания на расспросы Александра.

Иса!

Иса...

Иса, повелитель рыб. Иса, который ликом черен и прекрасен... Иса, ее спаситель.

Соня мчалась по обледенелой дороге, так и не одевшись, зажав пальто под мышкой. Она не чувствовала холода, не боялась поскользнуться.

Темный двор. Подворотня сталинского дома. Переулок. Улица, ведущая к широкому проспекту – там оживленное движение, уже никого не найдешь.

Соня выглядывала машину, в которой мог ехать Иса. Почти добежала до своего дома. Никого.

– Не успела... – разочарованно прошептала она. Натянула на плечи пальто. Потом, в последнем отчаянии, побрела назад, к проспекту.

Здесь надо заметить, что Соня никогда не бегала за мужчинами. Она всегда бегала *от них*. Даже в период своих редких влюбленностей она не позволяла себе преследовать мужчин, во внимании которых была заинтересована.

Бегать за мужчиной – неприлично. И неправильно, с точ-

ки зрения психологии.

Но Иса...

Нет, конечно, Соня не собиралась бегать за ним, просто... Ах, как было бы здорово, если бы ей удалось сегодня встретиться с Исой!

Соня остановилась у подземного перехода. Весь проспект был забит плотным потоком машин (семь вечера, час пик).

– Соня!

Соня вздрогнула, прижав сжатые кулаки к груди. Голос был знакомый.

– Соня!

Дверца одной из машин распахнулась.

Из машины выглядывал улыбающийся, взбудораженный Иса.

– Соня, это чудо, что я тебя нашел... Садись!

Не раздумывая, Соня нырнула в машину. Первым ее желанием было – броситься на шею Исе, но она сдержалась.

И Иса – протянул к ней руки, чтобы обнять, но в последний момент тоже сдержался, лишь скользнул ладонями по ее плечам...

– Я заехал за тобой... А тебя нет!

– А... я знаю, что меня дома нет!

«Господи, что я говорю? Бред какой-то!» – ужаснулась Соня.

– Ты где была? То есть я не то хотел спросить... Как здорово, что мы все-таки встретились! Я только-только отъехал

от твоего дома, а тут – пробка на дороге... И ты.

– И я иду...

Тем временем поток машин сдвинулся с места, и Иса тоже нажал на газ.

– Куда мы едем? – удивленно, весело спросила Соня.

– Ко мне.

– К тебе?

– О, не в том смысле... У меня сегодня день рождения! Гости, и все такое... Ты бы не хотела съездить ко мне, на мой день рождения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.